

Университет

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Томъ XXII, № 2.

ЮЖНО-РУССКІЯ БЫЛИНЫ.

1 - XI

Академика А. Н. Веселовскаго.

—o—o—o—
INSTYTUT
BADAŃ LITERACKICH PAN
BIBLIOTEKA
00-330 Warszawa, ul. Nowy Świat 72
Tel. 26-68-63

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)

1881.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Мартъ 1881 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

24.065

ЮЖНО-РУССКІЯ БЫЛИНЫ.

(Академика А. И. Веселовскаго).

Занимаясь съ нѣкотораго времени вопросомъ о составѣ и развитіи южно-русскаго эпоса, я разработывалъ частями его отдѣльные циклы ¹⁾, стараясь опредѣлить ихъ какъ особи и вмѣстѣ услѣдить идею ихъ связи съ цѣлымъ. Такимъ образомъ получились ряды обобщеній, обнимающихъ весь южно-русскій былевой эпосъ. Самый характеръ изслѣдованія, опредѣленный своеобразнымъ качествомъ матеріала, указываетъ мѣсто этимъ обобщеніямъ не въ предисловіи, а въ послѣсловіи къ изслѣдованію. Основанныя на извѣстномъ, хотя-бы и значительномъ количествѣ частныхъ наблюденій, они явились-бы въ началѣ труда программой, которая связала-бы отчасти ихъ далыѣйшую объективную выработку, обусловленную не столько новыми данными, открытіе которыхъ всегда возможно, сколько повѣрочнымъ, взаимнымъ сравненіемъ частныхъ выводовъ, полученныхъ изъ изученія каждой былинной группы порознь. Такой обоюдный контроль представляется мнѣ однимъ изъ немногихъ экзегетическихъ приѣмовъ при критикѣ пѣсеннаго преданія, не записаннаго въ древнихъ текстахъ, которые позволили-бы построить его

¹⁾ См. мои Beiträge zur Erklärung des russischen Heldenepos, въ Archiv für slavische Philologie, III, p. 549—93.

генеалогію; выработавшаго цѣлый рядъ опредѣленно-очерченныхъ богатырскихъ типовъ, которые, сами являясь вопросомъ историческаго сложенія и послѣдовательныхъ нарощеній, не могутъ служить исходной точкой для возстановленія древней ибесспной основы.

Между тѣмъ и частные результаты, добытые при разборѣ отдѣльныхъ былинныхъ группъ, въ свою очередь нуждаются въ повѣркѣ — со стороны лицъ, занимающихся тѣмъ-же вопросомъ. Съ этою цѣлью и печатаются слѣдующіе опыты. Что касается до порядка ихъ появленія, то онъ не отвѣчаетъ органической программѣ, выражающей идею былиннаго развитія, какъ *пока* она представляется автору — потому именно, что повѣрочныя изслѣдованія могутъ повести къ ея, теперь не предусмотрѣннымъ, измѣненіямъ.

I.

Михаилъ Даниловичъ и младшіе богатыри.

I.

Малорусское сказаніе о «златыхъ вратахъ» записано было и издано впервые Кулишемъ ¹⁾ и въ той-же редакціи воспроизведено гг. Антоновичемъ и Драгомановымъ ²⁾. Подъ Кіевомъ (въ Гвоздовѣ) слышалъ его, и почти въ томъ же пересказѣ, польскій писатель Михайлъ Грабовскій ³⁾; въ Кіевѣ-же слышалъ его, въ дѣтствѣ, г. Стояновъ, но еще въ формѣ пѣсни ⁴⁾; далѣе будетъ сказано нѣсколько словъ о варянтѣ легенды, со-общенномъ Н. И. Костомаровымъ ⁵⁾. Въ недавнее время новая редакція того-же сказанія напечатана была въ Малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и разсказахъ Драгоманова ⁶⁾.

Мнѣ нѣсколько разъ приходилось возвращаться къ этой ле-

¹⁾ Кулишъ, Записки о Южной Руси I, стр. 3—5.

²⁾ Историч. пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Антоновича и Драгоманова I, № 15.

³⁾ Кулишъ I. с. стр. 5 прим.

⁴⁾ Антон. и Драгом. I. с. стр. 51.

⁵⁾ Костомаровъ, Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества, Бесѣда 1872 г. XII, стр. 39—40.

⁶⁾ Драгоманова, Малорусск. народн. преданія и разсказы стр. 249—251.

гендѣ ⁷⁾ и предложить ся объясненіе, съ сущностью котораго согласились новѣйшіе изслѣдователи малорусскихъ народныхъ пѣсень ⁸⁾. Настоящая замѣтка назначена не столько отмѣнить, сколько видоизмѣнить мое прежнее объясненіе — въ интересахъ южнорусскаго эпоса. Л. Н. Майковъ (О былинахъ Владим. цикла, стр. 32) и О. Θ. Миллеръ (Илья Мур., стр. 694) сближали Михайлика малорусской легенды съ Михайломъ Игнатьевичемъ русской былины. Новый варьянтъ послѣдней, сообщасмый мною далѣе, даетъ этому сближенію болѣе прочныя основы.

Легенда о «золотыхъ воротахъ», въ редакціи Кулиша, разсказывается такимъ образомъ: Какъ было лихолѣтье, пришелъ чужеземецъ, Татаринъ, и вотъ ужъ ударилъ на Вышгородъ, а потомъ подступаетъ и къ Кіеву. А тутъ былъ богатырь Михайликъ. Какъ взошелъ на башню да пустилъ изъ лука стрѣлу, то стрѣла и ушала Татарицу въ миску. Только что сѣлъ опъ у скамейки и благословился обѣдать, какъ стрѣла и воткнулась въ печеню (жаркое). «Э», говоритъ, «да тутъ есть могучій богатырь!... Выдайте», говоритъ Кіевлянамъ, «выдайте мнѣ Михайлика, такъ отступлю». Вотъ Кіевляне шушу-шушу, и совѣтуются: «Что-же? выдадимъ!» А Михайликъ говоритъ: «Какъ выдадите меня, то въ послѣдній разъ видѣтъ вамъ Золотыя Ворота». Сѣлъ на коня, обернулся къ нимъ и проговорилъ:

Ой Кіяне, Кліе, папѣве громада!

Погана ваша рада:

Якъ-би ви Михайлика не отдавали,

Поки свѣтъ сѣдня, вороги бѣ Кіева не достали!

⁷⁾ Въ замѣткѣ, помѣщенной въ С.-Петербур. Вѣдомостяхъ 1874 г. Октябрь по поводу 1-го выпуска пѣсень гг. Антоновича и Драгоманова; въ Опытахъ по исторіи развитія христіанской легенды: Легенда о возвращающемся императорѣ Ж. М. П. Пр. 1875 г. Май, стр. 78—79; въ отчетѣ о Малорусск. нар. предан. и разсказахъ Драгоманова, помѣщенн. въ Древней и Новой Россіи 1877 г. Февраль.

⁸⁾ Антоновичъ и Драгомановъ, Истор. пѣсни малорусск. народа, II, предисловіе стр. VII.

И поднялъ онъ коньсмъ ворота — такъ вотъ, какъ поднимешь снопъ святаго жита, и поѣхалъ черезъ Татарское войско въ Цареградъ. А Татары и не видятъ его. И какъ открылъ ворота, то чужеземцы ввалились въ Кіевъ да и пошли по́топтомъ.

И живетъ богатырь Михайликъ доселѣ въ Цареградѣ. Передъ нимъ стаканчикъ воды да просфорка; больше ничего не ѣсть. И Золотыя Ворота стоятъ въ Цареградѣ. И наступитъ, говорятъ, время, что Михайликъ воротится въ Кіевъ и поставитъ ворота на мѣсто. И, если, идучи мимо, ктонибудь скажетъ: «О Золотыя Ворота! стоятъ вамъ тамъ опять, гдѣ стояли» — то золото такъ и засіяетъ. Если-жъ не скажетъ, или подумаетъ: «Нѣтъ, ужъ не бывать вамъ въ Кіевѣ!» — то золото такъ и померкнетъ.

Въ пѣснѣ, слышанной Стояновымъ, Михайликъ стрѣлялъ три раза: въ первый разъ онъ выбилъ у султана трубку изъ зубовъ, другою стрѣлою убилъ его самого, а третьею — его жену.

Редакція той-же легенды, записанная Трусевичемъ ¹⁾, предлагаетъ кое-какія новыя подробности — между прочимъ ту, что пасильникъ Кіева названъ Батыемъ. Принадлежитъ ли рассказчику отождествленіе Михайлы съ основателемъ Михайловскаго монастыря (построеннаго Святополкомъ — Михапломъ) — мы не знаемъ. Какъ въ предыдущемъ пересказѣ легенда начинается съ того, что войско Батыя стало въ Вышеградѣ (*wójaska jego stanęły w Wyszogrodzie*). Далѣе она передается такимъ образомъ.

Wiele razy Batij przypuszczał szturm do Kijowa, ale zawsze napróżno. W Kijowie mieszkał w owe czasy znakomity rycerz *Michałko* (ten sam właśnie, który zbudował Michałowski monastér), był on oddawna postrachem tatarwy i dzielnym obrońcą Kijowa. Wiedział to dobrze Batij, że dopóki tylko żyje na świecie *Michałko*, do sądnego dnia, nawet, nie wziąć mu Kijowa; wiedział to psia wiara, ale ba! nie mógł na to poradzić. Jednego tedy

¹⁾ Kwiaty i owoce, wydał Ignacy Trusiewicz. Kijów 1870, стр. 237—8.

razu Michałko, opatrując strażę, zobaczył z wałów Batego, siedzącego, ze swoją tatarwą, na wyszogrodzkiej górze. Akurat jedli oni wtedy obiad. Michałko napisał drobnymi literami piśmo, w którym radził Batemu odejść od Kijowa, przywiązał to piśmo do strzały i wypuścił ją z łuka do Batego. Srebrna łyżka wypadła z ręki tatarskiego Atamana. Strzała jak raz przeszła mu rękę na wylot. Rozwścieklony Batyj w tej że chwili wysłał posłów do Kijowa z tym rozkazem, żeby mu wydali natychmiast Michałka; w przeciwnym, bowiem, razie, groził spalaniem całego miasta i wyrznięciem w niém wszystkich mieszkańców, nie wyjmując nawet kobiet i dzieci drobnych. Michałko poprzysiągł pobić Batego i ocalić miasto, ale przestraszeni mieszkańcy nie decydowali się wystąpić przeciwko Batemu. Zbierali się oni tłumami na ulicach, ustawicznie radzili coś pomiędzy sobą i, jak te oto baby, płakali. Cały naród kochał Michałka, cały naród wierzył święcie w jego waleczność, pomimo to więcej daleko jeszcze cały naród bał się tatarów. Otoż tedy strach otrzymał, wreszcie, zwycięstwo i Kijowianie uradzili pomiędzy sobą wydać Michałka. Dowiedziawszy się o tém Michałko, prosił by mu wolno było przynajmniej pożegnać lud i Kijów święty. Wdział on tedy na siebie swą śliczną zbroję, siadł na swego ulubionego konia i wyjechał na plac złoto-wrotsky. Tam zgromadzonemu ludowi, przedstawił Michałko smutną dolę Kijowa, jaka go czeka po wejściu tatarów, a w końcu, widząc niezachwiane postanowienie Kijowian, rzekł: «oj panowie gromada! kiepskaż wasza rada» (Kijowlanie! Kijowlanie! pohana wasza rada), a powiedziawszy to Michałko uderzył kopiję w złote wrota, podniósł je na plecy, jakoby kopiec siana, i, wraz z niemi, powoli wyjechał z miasta. Od tego czasu złotych wrót nie stało w Kijowie. Mówią starzy ludzie, że kiedyś powrócą i złote wrota i Michałko, ale kiedy? Jeden Bóg święty raczy to wiedzieć.

Въ легендѣ, слышанной Н. И. Костомаровымъ, Михайликъ назывался *Михайломъ Семилиткомъ*; онъ необыкновенный ребенокъ, которому предстоитъ возрасть въ Константинополь.

Переходимъ къ легендѣ, изданной Драгомановымъ въ Малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и розказахъ.

— Колись, каже, давно то ще, був князь на світі Владимир. Володимир князь царствомъ всімъ обладує, а Михайл то *син царський*, али ще він молодий, то на царство ёго не садовлять; нехай підростає, а Володимир то старіщий, то він усім і править. Добре, так оце діється. . . . А в стороні Татарє своє царство мають. То піби їдно царство, а то татарське друге, і в стороні татарє живють. І знахорі татарські стали ворожити, догадались про Михайла, кажуть своїмъ: «глядіть, шоб не було чого нам, росте з боку коло нас такий і такий Михайл; тепер от ёго і нечути, а виросте той Михайл, тоді вже будемо знати, шо то за Михайл; кажуть знахорі, шо воїн, воїн з ёго вийде, може ше світ не бачив такого ліцера». Розказали знахорі про Михайла; тепер треба шось робити. Татарський пише до Владимира: «ми довідались, пише Татарський, за Михайла, він ще дитина у вас, ёго царство, ёго все буде, як підросте — то віддай нам ёго, будьмо сватами». Ото Володимир скликає людей, говорить, шо Татарський хоче до себе взяти Михайла, далі дає цю річ до Санау. Міркували скрізь, чи зробити так, як Татарський пише, і присудили, шо віддаймо малого. Вся громада сказала так...

Ну, ото присудили так, Володимир примітив, шо Михайл став хмурний дуже, ходить такий засмучаний... *А Михайл був уже паробок літ 18.* Спитав Володимир ёго: «що ёму за туга така?» *Михалятко-дитятко!* чого ти засмучаний такий?

В тебе чаша золотая,
Вина новна
Завжде,
І часть Кліва на тебе йде....

Міні так здається, шо журитись тобі нема чого. Михайл і каже Володимерові:

Господару-Цару Володимеру!
Так, в мене чаша золотая,
Вина повпал
Завжде....

І часть Кнівѣ на мене йде,
 Ам Кївська громада,
 То зла в неї рада

Володимир на цес промовчав. А Михаїл каже до меча свого, що на стіні висів:

Мечу мій мечу! та на Татарове,
 Мечу мій мечу! та на Юлапове

Михаїлові буйдуже, що Татаре хтять ёго брати, він меч свой як візьме, то Али Володимир цес вислухав і дивиться, що Михаїл малий такий, і каже ёму: *«Михалятко-дитятко! молоде ти і неспосібне, то тра щоб бути літ 20 або 30, тоді хіба за меч можна братись»*. Володимир так до Михаїла говорить, а Михаїл ёму одказує по своєму:

*«Господару Цару Володимеру!
 Возьми ти утятко молоденьке,
 І пусти на море синеньке:
 Воно попливе як і стареньке»*.

Тоді Володимир каже до Михаїла: «як так оце ти говориш, то, Боже, тебе благослови».

Посля того Михаїл взяв меч, копію, коня ёму вивели; їде Михаїл і зустрічає, що стоїть Татаруга, Турок той; Михаїл нічого не робив, оно перехристив вісько татарське своїм мечем. То по обидві сторони Михаїла не стало того віська: на ліву сторону то так як огнем спалило, на праву — так як солону викидав. Як посів тее вже вісько, Михаїл, то поїхав в світа і приплось ёму їхати через царські ворота; то до їдного стремена взяв на ногу їдну половину, а на другу ногу другого стремена взяв другу половину. С тими ворітьми поїхав за якісь *юри* і став там жити, тай досі, каже, живий а може й помер Так оце розказують про Михаїла

Конець этой легенды, особливо въ редакціи Кулиша, єл эсхатологическій характеръ (ожидаемое въ будущемъ возвращеніє Михайлика въ Кієвъ), связь Кієва съ Царыградомъ, пако-

нецъ имя Михаила — все это повело меня къ заключенію, что въ легендѣ мы имѣемъ народный, приуроченный къ Кіеву пересказъ эпизода, находящагося въ позднихъ русскихъ текстахъ Откровеній Меѳодія интерполированной редакціи ¹⁾. Популярность Откровеній, распространенныхъ во множествѣ списковъ, легко объясняла такого рода мѣстное, народное примѣненіе, примѣровъ котораго можно-бы привести не мало: многія изъ такъ называемыхъ мѣстныхъ сказаній ни что иное, какъ локализованныя повѣсти и анекдоты, такъ что интересъ локализации состоитъ не столько въ содержаніи сказаній, сколько въ открытіи причинъ, вызвавшихъ ихъ приуроченіе.

Разсказъ интерполированныхъ Откровеній слѣдующій:

Въ послѣднія лѣта выйдутъ Измаилтяне и поплѣнятъ всю землю и дойдутъ до Рима; дважды побѣжденные Римлянами, они «Римъ возьмутъ, а не всю землю, и дойдутъ до Говата великаго, иже есть за Римомъ». Здѣсь произойдетъ великая сѣча, и побѣда останется на сторонѣ Измаилтянъ, которые овладѣютъ Персіей, Греціей, Ассиріей, Египтомъ и морскими островами; останется только одинъ городъ на морѣ Эѳіопскомъ (т. е. византійскомъ, какъ поясняетъ греческій текстъ), не взятый врагами; очевидно, Константинополь. Измаилтяне подступятъ къ нему, «прийдутъ къ золатымъ вратамъ, иже суть заключены издавна (изъ давнихъ лѣтъ), никому же не отверзошась. Тѣмъ же повелѣніемъ Божиимъ отверзутся имъ, и пойдутъ и досѣкутся сватыя Софіи». Тогда явится избавитель: «Возстанетъ на на царь отъ нищихъ, Архангелъ Михаилъ во има его»; ангелъ принесетъ его изъ Рима и положитъ во святѣй Софіи на алтарѣ. Тогда царь Михаилъ «возстанетъ яко отъ сна и возьметъ мечъ свой и рече: «дадите ми конь борзъ», и пойдетъ противу Измаиловичъ съ великою яростію и нанесетъ мечъ свой на нихъ съ гнѣвомъ. Ангелъ же господень, первое ходивый со Измаиловичи, обра-

¹⁾ См. Тихонравовъ, Пам. русск. отр. литер. II, № III, стр. 255—263 и ркп. Имп. Публ. Библ. XVII № 82 (1602 г.) Сл. Опыты по истор. разв. христіанск. легенды I. с. стр. 62—73.

тится съ Михаиломъ на нихъ и разслабитъ сердце Измаильяномъ, яко воду, а тѣлеса ихъ аки воскъ растають, и мужество ихъ ни во что же будетъ». Побѣдивъ враговъ Михаилъ воцарится, и настанетъ повсюду тишина и благоденствіе и добродѣтельное житіе; но люди вскорѣ забудутся, начнутъ жить беззаконно, и за то разгнѣвается на нихъ Господь: «и повелитъ Господь Михаилу царю скрытися въ единомъ (отъ) острововъ морскихъ. И выпдетъ царь Михаилъ въ корабль, и отнесетъ его Богъ въ одинъ отъ острововъ морскихъ, и пребудетъ въ немъ до уреченнаго ему времени». Слѣдуетъ въ текстѣ Откровеній пространная вставка изъ житія Андрея Юродиваго: тогда разверзнутся горы «сверскія», и выйдутъ оттуда Гоогъ и Магоогъ и будутъ неистовствовать и дойдутъ до Іерусалима и Іосафатовой долины, гдѣ будутъ побиты архангеломъ. Беззаконные цари слѣдуютъ другъ за другомъ въ Царьградъ — за тѣмъ текстъ продолжается: Антихристъ родится въ Хоразмѣ, вскормленъ въ Виссандѣ, воцаряется въ Капернаумѣ. «Егда же Божіимъ повелѣніемъ царь Михаилъ отъ морскихъ острововъ принесенъ будетъ и сидеть во Іерусалимѣ на царство и будетъ царствовать 12 лѣтъ», — Антихристъ придетъ къ нему и послужитъ и будетъ имъ возлюбленъ; и будетъ сначала кротокъ и смиренъ, богобоязливъ, нищелюбъ, и станетъ творить чудеса. «Егда же прійдетъ 12 лѣтъ, и тогда царь Михаилъ, возставъ и прійдетъ на мѣсто святаго Голгообы, ядѣже распята Христосъ Богъ нашъ. И ту сядетъ съ небеса животворящій крестъ Господень и станетъ на мѣстѣ Голгообы. Царь же Михаилъ, ставъ предъ нимъ, и сойметъ вѣнецъ свой съ главы своея и возложитъ его на животворящій крестъ. Царь же, воздѣвъ руцѣ свои на небо, и предастъ царство свое Богу... И како животворящій крестъ взыдетъ на небо предъ всѣми людьми и съ вѣнцемъ царя Михайловымъ. Царь же предастъ душу свою въ руцѣ Божіи и уснетъ вѣчнымъ сномъ».

Отношенія этого эпизода къ малорусскому сказанію о Михайликѣ (за вычетомъ мѣстнаго приуроченія и народныхъ чертъ,

въ родѣ малолѣтства богатыря) представлялись мнѣ слѣдующими: Измаильтяне осаждаютъ Византію, какъ Татары Кіевъ; тамъ и здѣсь Михаилъ — Михайликъ является освободителемъ; тотъ и другой удаляются на время, и возвращеніе обоихъ ожидается въ неопредѣленномъ будущемъ: будетъ время. Связь Кіева съ Царьградомъ (куда удаляется Михайликъ, гдѣ онъ, по другой редакціи, воспитывается), упоминаніе золотыхъ воротъ (перенесенныхъ изъ Кіева въ Царьградъ; сл. въ эпизодѣ Меоодія золотыя врата, къ которымъ подступаютъ Измаильтяне), наконецъ эсхатологическій характеръ послѣдней части Малорусской легенды: таковы были основанія, увлекшія меня къ предположенію, что въ сказаніи о Михайликѣ сохранилась въ иной обстановкѣ, съ Кіевомъ и Татарами вмѣсто Царьграда и Измаильтянъ, повѣсть о послѣднемъ императорѣ Византіи, Михаилѣ ¹⁾. Знакомство съ новой редакціей русской былины о Михаилѣ Даниловичѣ заставило меня видоизмѣнить этотъ взглядъ. Я предполагаю, что въ кіевскомъ богатырскомъ эпосѣ дѣйствительно существовалъ разсказъ о малолѣтнемъ богатырѣ Михаилѣ, что онъ сохранился въ великорусскихъ былинахъ о Михаилѣ Даниловичѣ, тогда какъ одна изъ редакцій подпала вліянію эсхатологическаго сказанія о послѣднемъ императорѣ и обернулась — малорусской легендой о Михайликѣ.

Прежде чѣмъ предложить доказательства, постараемся свести къ немногимъ общимъ чертамъ содержаніе легенды, извлекая ихъ изъ извѣстныхъ намъ редакцій.

1. *Михаилъ* — юный богатырь; ему семь лѣтъ (Костомаровъ), или 18 (Драгомановъ) — цифра, вѣроятно, ошибочная (вмѣсто 12?), поставленная разсказчикомъ по требованіямъ вѣроятія, тогда какъ онъ же заставляетъ Владиміра обращаться къ Михайлику не иначе, какъ съ воззваніемъ: Михайлитко-дитятко! молоде ти і неспособне (ему 18-ть лѣтъ), то тра щоб бути літ 20 (!) або 30, тоді хіба за меч можна братись». Очевидно,

¹⁾ Опыты I. с. стр. 78.

что и въ редакціи Драгоманова Михалятко — Михайликъ Кулиша — является мальчикомъ. Онъ сильный богатырь, про то знаютъ Татары (Кулишъ, Драгомановъ) и потому его боятся. Замѣтимъ въ пересказѣ Драгоманова: *Татарове-Юланове*. Только въ этомъ послѣднемъ пересказѣ Михайль является въ какихъ-то неясныхъ, какъ будто родственныхъ отношеніяхъ къ Владиміру, котораго величаетъ: «*Господару Цару*» (царь-государь). Рассказывается такъ: Владиміръ князь правитъ всѣмъ царствомъ, онъ *старшій*, а Михайль, *сынъ царскій*, былъ еще юнъ, «то на царство его не садовлять». Въ другомъ мѣстѣ Владиміръ говоритъ ему, что «на него идетъ» часть Кіева, а татарскій царь пишетъ про него: «він ще дитина у вас, ёго царство, ёго все буде, як підросте». Можетъ быть, эти родственныя отношенія Владиміра и Михаила принадлежатъ древнему сказанію — хотя положительнаго здѣсь сказать ничего нельзя, при недостаточности данныхъ. Выраженіе: «і часть Кііва на тебе йде» мы постараемся объяснить въ иной связи.

2. *Татары-Юланове подходятъ подъ Кіевъ.*

3. *Недрузи Михаила, Кіевляне, требуютъ его выдати татарамъ. Онъ жалуется на поганую, злую раду Кіевлянъ.* Такъ въ редакціи Кулиша и въ пересказѣ Драгоманова.

4. *Михаиль выходитъ противъ татаръ;* Владиміръ его удерживаетъ. Когда юноша берется за мечъ, чтобъ идти на вражье войско, Владиміръ останавливаетъ его словами: ты еще молодъ, не твое это дѣло — а Михайль отвѣчаетъ ему, что богатырство у него рожденное, какъ вылупившемуся изъ яйца утенку прирождено плавать по сипему морю ¹⁾.

5. *Михаиль побиваетъ Татаръ-Юлановъ.*

6. *Онъ удаляется въ Царьградъ, куда перенесъ и золотыя ворота, гдѣ живетъ, питаясь водой и просфорою; или же въ какія-то горы.*

¹⁾ Сл. относительно этой анекдотической черты новеллу въ Вилла Альберти и у Des Periers. Сл. Вилла Альберти стр. 289—290.

II.

Въ сборникѣ Кирѣевского¹⁾ напечатаны двѣ былины подъ заглавіемъ: Данило Игнатьевичъ съ сыномъ. Такъ какъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ нихъ является сынъ, и этотъ сынъ названъ Михаиломъ (такъ у Кирѣевского № II и въ сказкѣ-побывальщинѣ, сообщенной ниже; въ № I Кир. имя ему Иванъ), то ближе къ дѣлу было-бы такое заглавіе: Былины о Михаилѣ Даниловичѣ.

1. Въ Кіевѣ постригся въ монастырѣ сильный, могучій богатырь Данило Игнатьевичъ. Прослышали орды невѣрныя, что не стало у Владиміра сильнаго богатыря, и ищутъ ему ярыки: пусть вышлетъ имъ поедищика, не то они выжгутъ, вырубятъ все его царство и самого его въ полонъ возмутъ. Растужился, расплакался Владиміръ князь, что некому у него съѣздить въ чисто поле, некому привести языка поганаго. Приходитъ къ нему молодой вьюношъ, *«дванадцатилѣтцъ»*; былина называетъ его Иваномъ Даниловичемъ, по сравненіе съ другой былинной и побывальщиной, какъ и слѣдующее сближеніе съ Михаиломъ малорусскаго сказанія, заставляютъ предположить здѣсь позднюю замѣну одного имени другимъ, болѣе ходячимъ. Далѣе мы будемъ называть двѣнадцатилѣтняго богатыря Михаиломъ. Онъ вызывается передъ княземъ съѣздить въ чисто поле, провѣдать орды великія, привести языка поганаго. Владиміръ останавливаетъ его — его молодостью:

Молодохопекъ, зеленехопекъ,
Ты па большихъ бояхъ не бывалъ.

Но Михаилъ говоритъ ему, что онъ пойдетъ къ батюшкѣ родимому, возьметъ у него благословеніе великое, попроситъ коня и сбрую богатырскую.

¹⁾ Пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ, вып. 3, стр. 39—51.

Былина непосредственно переноситъ насъ къ этой сценѣ.
Михайло въ монастырѣ:

Государь ты мой батюшка, Данила Игнатьевичъ!
Дай ты мнѣ благословенъеце великое,
Коня добраго и сбрую богатырскую.

Отецъ также пытается остановить его, указывая на его юные годы, но потомъ склоняется на его просьбы.

Юноша ѣдетъ въ чистое поле, а татарской силѣ конца не видно, смѣты ибѣтъ. Конь подъ нимъ разъярился и свалилъ его; всталъ молодецъ на рѣзвы поги, взялъ Татарина за ноги и сталъ побивать имъ силу певѣрную; всю побилъ и легъ ночевать въ шатрѣ. Между тѣмъ конь его прибѣжалъ къ монастырю, гдѣ сидѣлъ его отецъ; какъ увидѣлъ его Данила, вскочилъ на него, прискакалъ къ шатру,

И — пыхъ изъ лука стрѣлой — шатерь бѣлый сшибъ,
И увидѣлъ свое дѣтище.

Затѣмъ оба отправляются къ Владиміру.

Конецъ былины представляется мнѣ нѣсколько скомканымъ, хотя не безефектно. Настоящее мѣсто шатра и опочива, вѣроятно, сохранилось въ побывальщинѣ.

2 ¹⁾). Былина открывается однимъ изъ обычныхъ пировъ Владиміра, на которомъ всѣ напивались и всѣ порасхвастались, кто чѣмъ. Одинъ молодецъ не пьетъ, не ѣстъ, и не хвастаетъ.

И повѣсилъ молодецъ да буйшу голову:
Ише на имя Данила свѣтъ Игнатьевичъ.

На вопросъ Владиміра онъ отвѣчаетъ

- Ише чимъ мнѣ-ка, Владиміръ князь, видъ хвастатл?
- Ни двора-то у меня широкого не было,
- Золотои у меня казны видъ не лучилося,
- А и сила-та была видъ во мнѣ ровная.

¹⁾ Замѣтимъ, что для этой былины издатель имѣлъ еще другой вариантъ или «образецъ», въ которомъ юноша-витязь также носилъ имя Михаила.

— Видь служилъ я у тебя да пятьдесять годовъ,
 — Да убилъ я тобѣ видь пятьдесять царевъ,
 — А мелкѣи силы убилъ — да той и смѣту нѣтъ.
 — Топерь отъ роду мнѣ стало девяносто лѣтъ:
 — Ты спусти-тко, спусти, Владиміръ, въ монастырь пречѣстныя,
 — Да во тѣ ли спусти во кельи низкія,
 — Да спасти мнѣ-ка, спасти да душа грѣшная.
 А отвѣтъ держалъ Владиміръ князь:
 «Ой, нельзя, нельзя спустить тебя, Данилушко,
 «Ише некому дѣлать видь защиты всему Кіеву».

Еще разъ просится Данило, и указываетъ Владиміру на своего сына:

Да и будетъ тѣ защита всему Кіеву:
 Есть видь у меня да сынъ Михайлушко.

И Владиміръ отпускаетъ его. Далѣе былина совпадаетъ съ ходомъ предыдущей; рассказъ о томъ, какъ Данила Игнатьевичъ отпросился въ монастырь (сл. далѣе № 3) является прелюдіей къ пѣснѣ о Михаилѣ.

Невѣрные цари узнали,

Што во Кіевѣ богатыри ушли въ монастыри.

И вотъ подъ Кіевъ подходитъ невѣрный царь и требуетъ «поединщины». Смотритъ Владиміръ — а вражьей силы въ полѣ «будто облако ходячѣе нагонено»; на пиру онъ три раза («въ первой, второй, во третей наконѣ») спрашиваетъ у своихъ бояръ, князей и паленицъ удалыхъ, не найдется ли кого, кто бы съѣздилъ въ чисто поле пересчитать силы невѣрныя? Но большой хоронится за средняго, а средній хоронится за младшаго, а отъ младшаго Владиміру отвѣту нѣтъ.

А и въ тую-то пору было, во то время
 Выходилъ тутъ добродне доброй молодець
 Изъ за тово онъ стола видь бѣлодубова,
 Ише на имя Михайло да Даниловичъ.
 Попизешеньку онъ Владиміру поклоняется,
 Помалешеньку ко Владиміру подвигается:
 — Ты спусти-тко, спусти, Владиміръ князь, въ чисто полѣ,
 — Пересчитывать-то видь силы невѣрныя.

А отвѣтъ таковъ держаль ему Владиміръ князь:
 «Ой же ты, Михайло да Даниловичъ!
 «А и ростомъ-то видь ты же есть малешенёкъ,
 «Да и разумомъ-то ты же есть глупешенёкъ;
 «Топерь отъ роду, Михайло, тѣ двѣнадцать лѣтъ,
 «Потеряшь, братъ, ты, Михайло, свою голову».

Разгнѣвался тутъ Михайло: скоро шель «по сѣреды кирпичь-
 нья», отворяя двери на пяту и хлопнулъ ими такъ крѣпко, что
 онѣ разсыпались на щепы, а палата занаталась. Пошолъ къ
 своей матери, осѣдлалъ лошадь добрую, выѣзжаетъ во чисто
 поле — и тутъ раздумался, что не съѣздилъ онъ къ своему ро-
 дителю, не взялъ у него благословленіе. Онъ поворачиваетъ къ
 монастырю. «А въ тую пору мать сыра земля да зазыбалася, —
 Старо старчишно Данильшо засовалося: — А не мой ли видь
 прѣѣхалъ да Михайлушко?» Онъ спрашиваетъ сына: куда
 путь держить?, и узнавъ обо всемъ, начинаетъ отговаривать
 его тягостью взятаго на себя порученія:

— Топерь отъ роду, Михайло, тѣ двѣнадцать лѣтъ,
 — Да потеряешь ты, Михайло, свою голову!
 А и то видь какъ Михайлу да не показалося,
 Скоро поворачивалъ добра коня въ чисто поле.
 И рыкалъ да старо старчишно Данильшо гласомъ громкіемъ:
 — Стой-ко ты, Михайло, да удѣрки коня,
 — Да возьми-тко отъ меня благословленьѣ полное.
 — А поѣдешь ты, Михайло, во чисто полѣ,
 — *Выѣдешь ты на шеломя на окатисто,*
 — А по Русскому — на гору да на высокую,
 — Да кричи-тко ты, Михайло, во всю голову,
 — Ише требуй-ко ты бурушка косматого:
 «Аѣ, которой же служилъ ты мойму батюшки,
 «Послужи-тко ты топерь сыну Михайлушко!»
 — Прибѣжить тутъ конь да видь косматые,
 — Стоить онъ на горы да на высокія;
 — Да отмѣрь-ко ты, Михайлушко, какъ пять локотъ,
 — И копай-ко ты, Михайло, мать сыру землю,
 — Да во сторону копай да ты во ветосьную:
 — А и тутова збруя да видь богатырская.

Михайло все достаесть по указанію отца, поѣхалъ въ чисто поле:

Забречала его налица боѣвая,
 Завистѣла его сабля, сабля вострая.
 Выходило старо старчишко Давилюшо на зеленый дугъ,
 Да проспѣлъ онъ Спаса съ Богородицѣй:
 — Ты, Спаса всемилослива Богородица!
 — Да прими-тко ты моленье пустынное,
 — Да прими-тко ты моленье скоро на-скоро,
 — Помогни-тко ты сыну Михайлушку:
 — Исполнять онъ все да дѣла добрыя,
 — Ише дѣлать онъ защиту всему Кіеву.
 Только въ тую было пору, въ то время
 Доброй конь у Михайла ировѣчился:
 «Вей-ко ты, Михайло, силу съ крайчику,
 «Не заѣжжай-ко се, Михайло, въ силу въ матику:
 «А и копають тутъ *уланове* три погреба,
 «А три погреба копають тутъ глубокие,
 «И спаювать тутъ у погребъ копыя вострые,
 «Ише первой-отъ я погребъ дакъ перѣскочу,
 «Видь и другой-отъ я погребъ да перѣскочу,
 «А третьяго мнѣ-ка погреба не перѣскочить».

Онъ дѣйствительно не перескочилъ третьяго, упалъ на заднія ноги, уронилъ Михайла въ глубокій погребъ, гдѣ его схватили «уланове поганые», вязали ему руки бѣлыя петлями шелковыми, ковали въ желѣза тяжелыя ноги рѣзвыя, повели къ царицу ко Уланищу.—Михайло молится «Спасу съ Богородицей», и у него «съ двое съ трое силы прибыло»: онъ разорвалъ петли, сломалъ желѣзки и, ухвативъ «ослядь телѣжную», началъ ею помахивать. «Какъ впередь-то онъ махнетъ — дакъ туто улища, — А назадь-ту отмахнетъ — дакъ переулочекъ».

Далѣе былина № 2 спутала подробности, настоящій смыслъ которыхъ легко возстановить при помощи № 1 ¹⁾). Рассказавъ о томъ, какъ Михайло перебилъ татарь ослядью, № 2 продол-

¹⁾ Изд. пѣсень Кирѣвскаго, по моему мнѣнію, превратно поняли соотношенія слѣдующаго эпизода въ № 1 и 2. См. 1. с. стр. 41, прим *.

жаеть: тутъ прибѣжалъ къ нему его конь, онъ садится на него, снова побиваетъ татаръ, а царицу Уланищу отсѣкаетъ голову; ѣдетъ по чисту полю — а ему на встрѣчу старчище Данилище, принимаетъ Михайла за поганого улановина, убившаго его сына, и готовъ вступить съ нимъ въ бой. Какъ видно, появленіе коня мало мотивировано, такъ какъ Михайло уже успѣлъ осилить непріятеля, и остается непонятнымъ, почему именно Данило является на мѣсто битвы съ готовымъ подозрѣніемъ, что его сынъ убитъ. Настоящая послѣдовательность былины была слѣдующая: Михайлъ Даниловичъ, сброшенный съ коня, расправляется съ татарами, убиваетъ царица Уланища; между тѣмъ его конь прискакалъ въ монастырь, и у Данилы вполнѣ естественно является мысль, что его сына нѣтъ болѣе въ живыхъ.

И вотъ, вооружившись желѣзною клюкою въ сорокъ пудовъ, онъ идетъ (или ѣдетъ на конѣ Михаила, какъ въ № 1), приговаривая:

- Онъ же вы еси, уланове поганые,
— А убили у меня вы сына Михайлушка!

Встрѣтивъ сына, онъ не призналъ его:

- Онъ же ты, улановинъ поганые!
— Да подвинься-ко сюда, да ко мнѣ старому,
— Дакъ розсѣку я тя клюкою и съ конемъ на двое.
А скрычалъ Михайло гласомъ скромкіемъ,
Ише скромкіемъ онъ гласомъ, да робечыемъ:
«Стой-ко-се ты, монахъ, да удержи коня,
«Приздынн-тко ты свой колпакъ шелковые,
«Втогда да увидишь, кого надобѣтъ!»
Приздыпулъ монахъ колпакъ шелковые,
Подѣвжалъ втогда Михайло близъ его.

Отецъ и сынъ узнали другъ друга, и Михайло сообщаетъ отцу, въ какой онъ былъ бѣдѣ, а убить не былъ:

- «Зидно ваши-то молитвы да пустынные
«Видъ послѣдовали къ Спасу многомилосливу!

«Да поди-тко ты, бачко, во монастырь пречѣстные,
 «Да моли-тко ты, моли Бога по прежному,
 «А самъ-отъ я поѣду видѣ во Кіевъ градъ».

Въ Кіевѣ Владиміръ встрѣчаетъ его почестнымъ широмъ.

3. Былина о Данилѣ Игнатъевичѣ, помѣщенная въ сборникѣ Гильфердинга подъ № 192, представляетъ редакцію значительно сокращенную. Начало сходно съ № 2 Кир: былина открывается пиромъ у Владиміра ¹⁾, у котораго Данило отпрашивается въ монастырь; но кому будетъ защищать Кіевъ? Отвѣчаетъ Данило:

«Есть у меня чадо и въ девять лѣтъ.
 «Когда будетъ чадо въ двѣнадцать лѣтъ,
 «И будетъ стоять по города по Кіеви
 «И по тебѣ Владиміръ столице-кіевскоѣ.

Сынъ Данилы названъ, какъ Кир. № 1, Иваномъ. — Татары подходятъ подъ Кіевъ; на пиру Владиміръ вызываетъ своихъ бояръ, богатырей и поляницъ — выбрать поединщика

Ѣхать во далечо чисто полѣ,
 Намъ сила считать, полки высмѣкать.

Иванъ вызывается на подвигъ.

Говоритъ царь таково слово:
 «Нѣтъ ли поматерѣе ѣхать добра молодца?»
 И говорятъ вси князи, вси бояре,
 Все сильни могучи багатыри,
 Все поляницы удалыи:
 — Видѣтъ добра молодца по походочкамъ,
 — Видѣтъ добра молодца по поступочкамъ.
Наливалъ осударь чару зелена вина,
 Вѣсомъ та чара полтора пуда,
 Мѣрой та чара полтора ведра.
Принималъ Иванушко единойъ рукой,
 Вышивалъ Иванушко на единый духъ.

¹⁾ Въ текстѣ онъ спутанъ съ грознымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ.

Вид'ли добра молодца сядучись,
 Не вид'ли добра молодца поѣдучись.
 А во чистомъ поли курева стонть,
 Курева стонть, дымъ столбомъ легить,
 На встрѣчу бѣжить родной батюшко,
 Онъ голосомъ кричить, шліной маме:
 «Молодой Ивапушко Данильевичъ!
 «Ты не їдь-ко въ цѣлый гужь,
 «Ты не їдь-ко въ поль-гужа,
 «Ты силу руби съ одного плеча».

Посѣщенія отца въ монастырѣ пѣтъ, и нѣтъ его вторичнаго появленія въ концѣ былины. Конь Ивана (Михаила) «жествуетъ» человѣческимъ голосомъ, что татары копали погреба глубокіе, и что третій ему не перескочить. И конь и всадникъ попадаютъ въ погребъ.

Расплакался добрый молодець.
 Богородица Ивапушку гласъ гласить,

поучаетъ его, какъ порвать пути и желѣза — и былина кончается разсказомъ о томъ, какъ юный богатырь «сталъ татаринномъ помахивать».

4. Слѣдующая побывальщина, сохранившаяся въ ркп. XVIII вѣка, сообщена мнѣ Л. Н. Майковымъ ¹⁾. Она озаглавлена:

**Гистория о киевскомъ богатыре Михаиле сыне Даниловиче
 двенатцати летъ.**

Бысть в великомъ в красномъ столномъ граде киеве, у великаго князя владимера всеславьевича, было ширование почестное на руския сильныя богатыри. Пьетъ, естъ велики князь, те-

¹⁾ Она находится въ рукописи, принадлежащей Московскимъ Публичному и Румянцевскому Музеямъ № 774. Рукопись эта составляетъ тетрадку въ 4-ю долю листа, занимающую въ себѣ 12 листовъ и писанную скорописью второй половины XVIII в.; на листѣ первомъ находится заглавіе, помѣченное выше, а съ листа 2-го идетъ самый текстъ; оканчивается онъ на оборотѣ листа 11-го.

шится, а надъ собою кручины не ведаеть. То в то время идетъ молодець ис поля чистого, из шелому из баканова на дву аргамаческихъ коняхъ, и въезжаетъ на государевъ дворъ, и коня ставить без привези, бежитъ во светлую горницу, предъ княземъ колнака не сываетъ; и сталъ говорить ему: «Государь велики князь владимеръ всеславьевичъ киевской, пьешъ ты и ешь и тешишься, а надъ собою, государь, кручины не ведаешъ: идетъ из большия орды царь бахметъ сынъ тавруевичъ, а с нимъ идутъ богатыри три брата братовича, а с ними силы со всякимъ богатыремъ по три тысячы; да с нимиже идутъ семь князей ширскихъ, а с ними силы идутъ со всякимъ княземъ по семи тысячъ; да с нимиже идутъ сорокъ царевичей, а со всякимъ царевичемъ силы по сороку тысячъ, а всей силы с царемъ бахметомъ сыномъ тавруевичемъ сметы нѣтъ. И хоцеть твои столной градъ киевъ за щитомъ взять, князей и бояръ всехъ под мечъ подклонить, а тебя, великаго князя, поневолить». Тогда велики князь *владимеръ всеславьевичъ киевской закручинился; наливаетъ онъ в турей рогъ меду слаткова и подноситъ своимъ тридцати богатырямъ и говоритъ имъ: «Которой из васъ выпьетъ турей рогъ меду слаткова, тот бы вывелъ ис подъ знамени человека перваго, которой ведаеть думу царскую». И в то время болшей богатырь хоронитца за меншихъ, а меншой богатырь хоронитца за болшихъ, и ни которой за то дело не принимается. Потомъ изъ техъ богатырей *выступаетъ младъ михаило сынъ даниловичъ: «Государь князь велики владимеръ всеславьевичъ киевской! Я, государь, вытлю турей рогъ меду слаткова и вышму ис подъ знамени человека перваго, которой ведаеть думу царскую». И в то время взговорить велики князь владимеръ всеславьевичъ киевской: «Младъ михаило сынъ даниловичъ, малымъ ты малешенекъ и молодымъ ты молодешенекъ, всево тебе от роду двенадцать летъ; а умома ты, михаило сынъ даниловичъ, глупешенекъ, в чистомъ поле не бывалъ¹⁾, криваго ты человека не види-**

¹⁾ Вѣроятно: не бывывалъ.

валъ, на крепкомъ деле не ставалъ, ребячьимъ умомъ говоришь». Ответъ держитъ младъ михаило сынъ даниловичъ: «Государь князь владимерь всеславьевичъ киевской! Вели, государь, поимать того гоюля и вели держать три года, да пусти, государь, того гоюля на воду, и умъет-ли тотъ гоюль по воде плавати: так-та наше богатырское сердце неуимчиво». Тогда великому князю владимеру всеславьевичу киевскому то слово полюбилось. И говоритъ ему, младу михаилу сыну даниловичу ¹⁾: буди ты пожалованъ во всемъ столномъ граде киеве. — Отвѣтъ держитъ младъ михаило сынъ даниловичъ: «Много твоего государскаго жалованья». — И оседлалъ младъ михаила сынъ даниловичъ добраго коня наступчитова с черкасскимъ седломъ и подтянулъ двенатцатью подпружинами шелку шемоханскаго и надевалъ на себя крепной доспехъ богатырской и положилъ на главу свою златой венець. И садился младъ михаило сынъ даниловичъ на своего добраго коня наступчитова и поехалъ ис киева града не воротами, а ²⁾ скакалъ чрезъ ограду каменную, и поехалъ къ почестному монастырю, к отцу своему даниле ивановичу ³⁾ просить от него прощения и благословения. Тогда приехалъ младъ михаило сынъ даниловичъ ко отцу своему данилу ивановичу и сталъ у него просить благословения: «Благослови ты меня, батюшка, ехати в поле чистое на шеломъ и на бакановъ противъ царя бахмета сына тавруевича и вынетъ ис под знамени ⁴⁾ человѣка перваго, которой ведаеть думу царскую». Потомъ сталъ говорить отецъ его данило ивановичъ: «Чадо мое милое, младъ михаило сынъ даниловичъ ⁵⁾, азъ я в киеве жилъ девяносто летъ, выезжаючи ис киева побивалъ девяносто побоищевъ и ис под знамени чело века перваго не вынимывалъ, и х киеву къ великому князю вла-

¹⁾ Ркп. младъ михаила сынъ даниловичъ.

²⁾ Ркп. и.

³⁾ Въ № 1 и 2 онъ названъ по отечеству Игнатъевичемъ. Въ связи съ «Ивановичемъ» нашего также стоитъ, быть можетъ, названіе Михаила — Иваномъ въ № 1.

⁴⁾ Ркп. земли.

⁵⁾ Ркп. Ивановичъ.

димеру всеславъевичю не проваживаль и на муку такова человека не давиваль и греха на себя не принимываль. Буде ты, чадо мое милое, едешъ неволею, и ты добивайся до знамени перваго¹⁾; а буде ты, чадо мое, едешъ волею, и ты добивайся до знамени последнего, и ни на кого не надейся: Богъ тебѣ, чадо мое, на помощь подасть». Тогда младъ михаило сынъ даниловичъ взялъ у отца своего благословение и прощение и поехалъ в поле чистое на шеломъ и на бакановъ противъ царя бахмета сына тавруевича. Тогда поглядить в сторону — сила рать великая, в другую сторону посмотреть — и тово болѣе, а на третью сторону погледить — аки вода сильная колыбается. Тогда младъ михаила сынъ даниловичъ утрашился и рече себѣ: Буде поехать мне молотдцу не побивъ побоища к столному граду киеву и великому князю владимеру, то принять мне от него кручину великую, а от своей братьи позоръ мне будетъ великой; а какъ люблю побопще и с того побоища поеду к столному граду киеву к великому князю владимеру всеславъевичу киевскому, то будетъ мне честь и хвала от великаго князя владимера всеславъевича киевскаго и от своей братьи великая. Тогда младъ михаило сынъ даниловичъ помолился честнымъ образомъ и сталъ призывать Господа Бога на помощь, и сталъ напуцать онъ на полки татарскіе, что ясенъ соколъ на стада на галечья²⁾. Тогда выезжаютъ противъ михаила сына даниловича сильныя богатыри три брата братовича, а с ними силы выходить по три тысячи. Тогда младъ михаила сынъ даниловичъ убилъ трехъ братьевъ братовичевъ, такожь и силу ихъ всю нобилъ. Потомъ выезжаетъ противъ ево семь князей ширскихъ, а силы с ними по семи тысячъ; и младъ михаила сынъ даниловичъ убилъ семь князей ширскихъ, такожь и силу ихъ

¹⁾ Ркп. чернаго, очевидно ошибочно; сл. далѣе прогивуположеніе: (перваго) — последнего.

²⁾ Сл. Слово о Полку Игоревѣ: не буря соколы занесе чрезъ поля широкія, *галици стады* бѣжать къ Дону великому. Въ битвѣ подъ Перемышлемъ 1097 г. половецкій ханъ Бонякъ, по словамъ лѣтописи, сбиваетъ Венгровъ въ мачъ, точно такъ какъ соколъ сбиваетъ галокъ. Соловьевъ, Ист. Россіи, II (1852 г.) p. 62—3.

всю побилъ. А потомъ выехали противъ михаила сына даниловича сорокъ царевичевъ, а силы с ними со всякимъ царевичемъ по сороку тысячъ; тогда младъ михаила сынъ даниловичъ убилъ сорокъ царевичевъ, такожь и силу ихъ всю побилъ. Потомъ выезжаютъ противъ михаила сына даниловича мурзы уланова, и говорятъ ¹⁾ ему таково слово: «Государь ты дородной доброй молодець, какъ тебя по имени зовутъ и по отечеству? и даи ты намъ сроку на три дня». — Тогда младъ михаила сынъ даниловичъ ответъ держитъ: «Зовутъ меня по имени михайлою, а по отечеству даниловичемъ, а ежду я ис краснаго столного града киева отъ великаго князя владимера всеславьевича киевскаго». То михаила сынъ даниловичъ далъ имъ сроку на три дня, а самъ поехалъ къ белому своему шатру полоѣняному и сталъ в томъ шатре опочивать и опочивалъ три дня и три ноци бес просыпу ²⁾. А мурзы уланова в ту пору около полковъ своихъ копали рвы глубокия, ва рвахъ тыкали тарчи вострыя, крыли полстыми ³⁾ ордынскими, делали мосты опрометныя. Тогда младъ михаила сынъ даниловичъ от сна просыпается и вооружается и садится на свой доброй конь и напустилъ на полки татарския — первой полкъ побилъ; тогда напустилъ на второй полкъ и тотъ полкъ побилъ; тогда напустилъ на третей полкъ и тотъ же полкъ побилъ. И в те поры младъ михайло сынъ даниловичъ ввалися въ яму глубокую, а конь его выдрался и поскакалъ в чистое поле; а михайлу сына даниловича вынули изъ ямы и связали ево, оковали ему ноги по колени, а руки по локти, и повели ево в полки татарския ко царю бахмету сыну тавруевичю. Что взговорить царь бахметъ сынъ тавруевичъ: «михайле сыну даниловичю, какъ тебя, молотца, по имени зовутъ, и которой ты деревни или вотчины»? Ответъ держалъ младъ михаила сынъ даниловичъ: «Государь царь бахметъ сынъ тавруевичъ, по имени меня зовутъ михайлою, а по отечеству сынъ даниловичъ; а ежу

¹⁾ Ркп. — ить.

²⁾ Сл. эпизодъ съ шатромъ въ концѣ № 1 и выше мою замѣтку по его поводу.

³⁾ Ркп. полстыми.

я истолного града с киева от великаго князя владимера всеславьевича киевскаго». Тогда сталъ ему говорить царь бахметъ сынъ тавруевичъ: михаиле сыну даниловичю, служи ты мне верою и правдою, какъ ты служилъ великому князю владимеру всеславьевичю киевскому; я тебѣ у себя в золотой орде долю ¹⁾ дамъ да треть своего царства. Отвѣтъ держитъ младъ михаила сынъ даниловичъ царю бахмету сыну тавруевичю: «Радъ тебѣ служить верою и правдою, своею саблею вострою — над твоею шею толстою». Тогда взговоритъ царь бахметъ сынъ тавруевичъ: «Мурзы, улановя, возмите михаилу сына даниловича за бѣлые руки и поведите ево за бѣлые шатры полотняные и снимите с него буйную ево голову». — Потомъ сталъ имъ говорить младъ михаила сынъ даниловичъ: «Кто хоцетъ жить подолше, тотъ бижи подале, а хто хоцетъ жить поменше, тотъ подвинся поближе». — Тогда взговорятъ ему мурзы улановя: «Брате михаиле, теперь ты у насъ в рукахъ, а грозижъ намъ». — Потомъ не ясенъ соколъ вострепенулся, а младъ михаила сынъ даниловичъ сложилъ с себя железа с рукъ и с ногъ и побилъ около себя людей многое множество; и тогда люди его многия обхватили, и онъ ис под телеги ордынскоя ось выломилъ и учаль ихъ побивать на все четыре стороны и дограбился до добра сотка каменного, и гуть полки клонилъ. Уже михаило сынъ даниловичъ уже по колени в крови бродить. Тогда выходилъ из бѣла шатра царь бахметъ сынъ тавруевичъ и бьет челомъ о сыру землю: «Государь мой, младъ михаило сынъ даниловичъ, отпусти ты меня в мою орду хотя саматретья, и аз бы в своей орде племя развелъ». Тогда сталъ говорить младъ михаила сынъ даниловичъ царю бахмету сыну тавруевичю: «Отпущу я тебя в твою орду за то саматретья, что азъ былъ у тебя в поимани, — в болшей орде долю давалъ да треть своего царства; и ты поди в свою орду». Тогда царь бахметъ сынъ тавруевичъ поклонился ему и поехалъ в свою орду, а младъ михаила сынъ даниловичъ уби-

¹⁾ Сл. далѣе: в болшей орде долю давалъ да треть своего царства.

рался и вооружался и садился на свои доброй конь и поехалъ к столному граду киеву, к великому князю владимеру всеславьевичю. Тогда лихъ былъ ка михаилу сыну даниловичю ¹⁾ оговорщикъ в киеве, оговорилъ великому князю владимеру всеславьевичю киевскому: «Государь велики князь владимеръ всеславьевичъ киевской! Младъ михаило сынъ даниловичъ ездить по деревнямъ да по вотчинамъ, пилъ да елъ да бражничель, а не у твоего ²⁾ дела царскаго былъ». Тогда великіи князь владимеръ всеславьевичъ киевской ка михаилу сыну даниловичю ³⁾ разкручинился и велелъ его посадить в темницу заключенную, въ яму глубокую, сорока сажень, где сиделъ ставерха сынъ годиновичъ. Посадили михаилу сына даниловича въ яму глубокую; и велелъ ему на неделю мѣста хлѣба по снопу по овсяному давать: то ему михаиле сыну даниловичю за выслугу. И накрыли цкою железною, и зарыли землею накрепко, опустили решетки железные и приставили крепость великую. Потомъ велики князь владимеръ всеславьевичъ киевской призываетъ слугу своего вернаго, по имени зовутъ илью муромца, проведать о побоище михаила сына даниловича; «коли онъ побилъ силу рать великую, то я ево (ис?) тюрьмы выпущу». Тогда илья муромецъ скоро метался и садился на свои доброй конь и поехалъ в чистое поле на шеломъ на бакановъ. И ездить илья муромецъ двенатцать дней и не могъ онъ доехать трупу татарскаго; и потомъ изъехалъ ⁴⁾ трупу татарской — где при горе, тутъ по щеку коню крови, а гдѣ при вражке, тутъ по колени коню крови, а гдѣ при брегѣ, тутъ по чрево коню крови. Потомъ илья муромецъ возвратился к столному граду киеву к великому князю владимеру всеславьевичю киевскому; и какъ будетъ илья муромецъ среди двора государева и ставить своего коня бес привези, а самъ бежит скоро в бѣлокаменные палаты и молитца честнымъ образомъ и бьет челомъ

1) Ркп. сына даниловича.

2) Ркп. своего.

3) Ркп. даниловича.

4) Ркп. изъехалъ?

великому князю владимеру всеславъевичю киевскому о сыру землю. Что взговорить илья муромецъ: «Гои еси велики князь владимеръ всеславъевичъ киевской, живу я у тебя тритцать три года, а побоища такого не побывываль, что грозно побилъ побоище младъ михаила сынъ даниловичъ. А трупъ татарскаго — где при горе, тутъ по щеку коню крови, а где при вражке, тутъ по колени коню крови, а гдѣ при брегѣ, тутъ по чрево коню крови». Тогда велики князь владимеръ всеславъевичъ киевской в тотъ часъ велель изъ ямы вынуть михаила сына даниловича. И в то время вынули его изъ ямы глубокия и привели ево предъ великаго князя владимера всеславъевича киевскаго. Что взговорить велики князь владимеръ всеславъевичъ киевской: *Михаиле сыну даниловичю! буди ты отъ меня пожалованъ, злата казна про тебя не запечатана, драгоценное платье про тебя не изношено, добрыя кони стоять не объезжаны.* — Тогда сталъ говорить младъ михаило сынъ даниловичъ: *«Государь мой великій князь владимеръ всеславъевичъ киевской! много твоего государскаго жалованья; пожалуй, государь, отпусти ты меня къ батюшке даниле ивановичю в монастырь пострица; а у тебя, государя моего, в великомъ столномъ граде киеве лихи оговорщики: не велятъ тебѣ, великому князю владимеру всеславъевичю киевскому, служить верою и правдою и вочью неизменя»* (?) — Потомъ велики князь владимеръ всеславъевичъ киевской отпустилъ млада михаилу сына даниловича *двенатцати летъ* к отцу его даниле ивановичю в монастырь для пострижения в монашески чинъ. Тогда младъ михаила сынъ даниловичъ великому князю владимеру всеславъевичю киевскому поклонился и чуднымъ образомъ помолился и поехалъ к отцу своему даниле ивановичю в монастырь. *И приехавши в тотъ монастырь, постригся в монашески чинъ, и сталъ в томъ монастыре жить в великой славе и чести до смерти своеи. Темъ свя исторія конецъ восприяла.*

Сообщенная здѣсь впервые сказка-побывальщина, сохранившая во всемъ своемъ складѣ слѣды былиннаго изложенія и нерѣдко цѣлыя стихи, интересна, не столько подробностями языка

и указаніями на другихъ богатырей и пѣсни кіевскаго цикла, сколько своими отношеніями къ разсмотрѣннымъ выше былинамъ о Михаилѣ Даниловичѣ №№ 1, 2 и 3. Характеризуя послѣднія, героемъ которыхъ представился г. Безсонову не Михайло, а отецъ его Данило, издатель сборника Кирѣевскаго усмотрѣлъ въ нихъ «отрывокъ сказаній о послѣднихъ дняхъ нѣкогда грознаго и страшнаго богатыря (т. е. Данилы): будемъ ожидать открытія пѣсенъ о былой его славі»¹⁾. Если ожиданія эти не оправдались по отношенію къ біографіи Данилы, то для критики пѣсенъ о Михаилѣ Даниловичѣ «Гистория» предлагаетъ весьма важный матеріаль.

«Гистория» ни что иное, какъ прозаическій пересказъ былины, стихъ которой иногда легко возстановить, удаливъ не нужныя повторенія. Примѣры легко подобрать во всѣхъ частяхъ текста. Такъ въ началѣ:

Бысть во стольномъ городѣ во Кіевѣ
У великаго князя Владиміра
Было шрованіе почестное
На рускіе сильные богатыри.
Пьетъ, ѣсть великій князь, тѣшится,
А надъ собою кручины не вѣдаетъ и т. д.

Или:

Какъ побью я побоище
И поѣду къ стольному граду Кіеву
Къ великому князю Владиміру,
Будетъ мнѣ честь и хвала
Отъ великаго князя Владиміра
И отъ своей братьи великая.

«а какъ побью я побоище и с того
побоища поеду к столному граду
киеву к великому князю владиме-
ру *всеславъевичу киевскому*, то бу-
детъ мнѣ честь и хвала от вели-
каго князя владимера *всеславъевича*
киевского и от своен братьи вели-
кая».

Грамотнику пересказчику принадлежитъ, вѣроятно, эпитетъ Владиміра: *великій князь*, вмѣсто «ласковаго», и такія формы

¹⁾ Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ в. III, приложенія стр. IV.

какъ *бысть, хоцетъ, рече, азъ*, и т. п.; въ остальномъ сохранился народный словарь, въ которомъ замѣтимъ: *шеломъ* въ значеніи холма: изъ шелому изъ баканова, на шеломъ на бакановъ (трижды); сл. шеломя въ Словѣ о Полку Игоревѣ; шеломя окатисто въ былинѣ о Михаилѣ № 2; шеломя окатное (оскатное) въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ и Ермакѣ Рыбн. I, 103, 104; шеломя окатистые (Пам. великорусск. нар. Прибавл. къ Изв. Акад. Наукъ, Спб. 1855, стр. 77. Слѣч. стр. 118, 119, 123: по замѣчанію записавшаго былину шеломя значить — холмъ необрывистый, пологій. — Ср. шеломъ — въ смыслѣ утеса, Каз. губ.). — *Сердце неумичиво* (Даль а. в. неумичивое). — *Доброго коня наступчитова* (дважды); сл. Кир. Пѣсни II, 64: наступчатый; VIII, 7, тоже, о конѣ: съ перевозу-то съ васъ беру По добру коню наступчату; у Даля помѣчено лишь: наступчивый; сл. Кир. Пѣсни II, 45, Рыбн. I, 82, 15, IV, 101: наступчивый (о конѣ). — И сталъ *напуцать* онъ на полки татарскіе, что *ясенъ соколъ на стада на галечья*; сл. Слово о Полку Игоревѣ: не .і. соколовъ на стадо лебедѣй пуцаше, и выше стр. 21 ирим. 2. — «Ва рвахъ тыкали *тарчи* вострыя, крыли *полстѣми* (ркн. полстѣми) ордынскими, делали мосты *опрометныя*. Сл. стар. торчъ = копейное древко, ратовище (Даль а. в. торгать); Кир. I, 3, стр. 120: Заплетайте вы туры высокія, А ставьте *поторчкы* дубовыя, Колотите вы надолбы желѣзные; торчя Псковск. Тверск. = замѣтка на полѣ, тычка (Дополн. къ Оп. областн. великор. языка а. в. торчя и поторкать. Сл. Рыбн. I, 30, 111: Гдѣ было татарина кольемъ тарыкать; ib. 136, 175: сталъ косматаго бурушка потаркивати). — Прилагательному *опрометный* Даль а. в. даетъ лишь значеніе: скорый, легкомысленный и т. п.; опрометные мосты, несомѣнно, перекинутые: во рвахъ натыканы ратовища и на нихъ раскинуты полости — будто ровное мѣсто: въ эту то западню и попадаетъ богатырь. — *Дограбился* до сотка каменнаго и тутъ полки клонилъ.

Названіе холма «бакановымъ» принадлежитъ къ реальнымъ подробностямъ русскаго эпоса, и если я не ошибаюсь, еще

встрѣчается въ поющихъ нынѣ пѣсняхъ. (Сл. впрочемъ: барханъ — отдѣльный песчаный холмикъ въ землѣ Ур. Каз. войска, и Рыбн. II, № 11, стр. 41: А Добрыня Никитовичъ на Воргановыхъ горахъ). — *Тавруевичъ*, отечество Бахмета (= царище Уланище № 2-го), встрѣчается въ былинахъ о Щелканѣ Дуденьевичѣ въ формѣ Таврольевичъ. — *Три брата братовича* — это не братья-ли Сбродовичи другихъ пѣсенъ? — О семи *ширскихъ князьяхъ* я ничего не знаю. — Интересно указаніе на былинѣ о Ставрѣ Годиновицѣ, посаженномъ въ темницу — по особой формѣ его имени: *Ставерха*. — «*Турей рогъ меду слаткова*» является необычной замѣной эпической чаши; *тридцать*, какъ типическое число богатырей Владиміра, чередуется въ былинахъ съ двѣнадцатю и семью (сл. напр. былины о семи богатыряхъ и о томъ, какъ перевелись на Руси богатыри). — Отношенія богатырей къ князю представляются, какъ служилыя: Илья Муромецъ — его вѣрный слуга, живетъ у него тридцать три года; въ былинѣ у Кирѣев. № 2 Данило служить у него пятьдесятъ годовъ и на девяностомъ отпрашивается въ монастырь (сл. Гисторію: азъ я в Кіевѣ жилъ девяносто летъ, выезжаючи ис Кіева побивальъ девяносто побоищевъ).

Гисторія не знаетъ разсказа, съ котораго начинается Кир. № 2: какъ старый Данила просится у князя на покой; я предполагаю, что этотъ эпизодъ (вызванный желаніемъ объяснить себѣ, почему отецъ Михаила живетъ въ монастырѣ), можетъ быть, поздняго происхожденія. — Затѣмъ Гисторія совпадаетъ съ ходомъ былинъ 1 и 2, опускаая подробность, вѣроятно, принадлежавшую къ древней формациі сказанія: о томъ, что конь Михаила, сбросивъ его, прибѣжалъ къ отцу, и тотъ выходитъ отменить за сына, котораго считаетъ убитымъ, встрѣчается съ нимъ и, не признавъ его, готовъ съ нимъ сразиться (см. № 2). — Въ концѣ всѣ три редакціи расходятся другъ съ другомъ: въ № 1 отецъ и сынъ вмѣстѣ ѣдутъ въ Кіевъ; въ № 2 Данило идетъ въ монастырь, а Михайло къ князю Владиміру. Такъ и въ Гисторіи — съ тою разницею, что разсказъ здѣсь поведенъ

дальше. Это-то продолженіе, которое я считаю не придѣланнымъ къ Гисторіи, а опущеннымъ въ №№ 1 и 2, представляется мнѣ особенно важнымъ, такъ какъ оно раскрываетъ отношенія сѣверно-русскихъ былинь о Михайлѣ Даниловичѣ къ малорусской легендѣ о Михайликѣ.

Михайло возвращается въ Кіевъ съ побѣдой, но у Владимира его оговорили: будто онъ у дѣла царскаго не былъ, а вмѣсто того пилъ, да ѣлъ, да бражничалъ. Раскручинился Владимиръ, велитъ посадить Михаила въ яму глубокую, давать ему въ недѣлю по снопу овсяному за выслугу — а Илью Муромца посылаетъ провѣдать о побоищѣ: коли Михайло въ самомъ дѣлѣ побилъ силу-ратъ великую, онъ его изъ тюрьмы выпуститъ. Илья привозитъ вѣсти о побѣдѣ, и Владимиръ не только освобождаетъ Михаила, но и хочетъ его пожаловать. Михайло отъ всего отказывается: въ Кіевѣ ему нѣтъ житья отъ лихихъ оговорщиковъ, и онъ проситъ князя отпустить его въ монастырь, гдѣ онъ и постригся.

Развязка напоминаетъ, въ общихъ чертахъ, былину о Суханѣ или Сухманѣ Одихмантьевичѣ, одномъ изъ такъ называемыхъ старшихъ богатырей кіевского цикла ¹⁾. Вызвавшись достать Владимиру живьемъ лебедь бѣлую, онъ отправился за ней, но встрѣтилъ по дорогѣ сорокъ тысячъ татаръ поганыхъ и побилъ ихъ. Совершивъ этотъ подвигъ, онъ возвращается къ Владимиру, но тотъ не повѣрилъ его разсказу и велитъ посадить его въ глубокой погребъ. Богатыри, посланные Владимиромъ, донесли ему, что они дѣйствительно видѣли побитую татарскую рать. Тогда Владимиръ велитъ привести къ себѣ Сухмана и хочетъ его пожаловать; но оскорбленный княземъ Сухманъ не идетъ къ нему: «не умѣлъ меня солнышко миловать, не умѣлъ меня солнышко жаловать, а теперь не видать меня во ясны очи». Выдерживалъ онъ листочки маковые съ тыхъ ранъ со кровавыхихъ, а самъ приговаривалъ: «потеки Сухманъ-рѣка отъ моеи крови горючія, отъ горючія крови отъ напрасныя».

¹⁾ Рыбн. I, № 6, стр. 26 и слѣд.

Въ Гисторіи - былинѣ о Михаилѣ — исходъ разнится тѣмъ, что оскорбленный витязь уходитъ въ монастырь. Удаленіе отъ міра обыкновенно освящало собою конецъ долгой, иногда тревожной боевой жизни: какъ Данило въ № 2 живетъ въ рознь съ женою, спасаясь въ монастырѣ, такъ часто въ нашей исторіи полюбовно расходились въ старости своей супруги, чтобъ остатокъ дней посвятить одному Богу¹⁾. Какъ на западѣ пресыщенный подвигами и успѣхами рыцарь запирался въ келью и герон западнаго зноса, Renò de Montauban и Вальтеръ Аквитанскій кончаютъ дни въ святости — такъ и объ Ильѣ Муровцѣ существуютъ преданіе, что онъ посхимился, «*всемлся въ пещеру*», построилъ «*церкву пещерскую, тутова старь и окаментльз*» (сл. О. Миллеръ, Илья Мур. стр. 797 и слѣд.), сталъ каликой (Чоботокъ Кольнофойскаго?)²⁾ — и слѣдуетъ, быть можетъ, приписать одному случаю, что этотъ эпизодъ выналь изъ его былинѣ. Но духъ отваги, крѣпость мышцъ не оставляютъ этихъ витязей-отшельниковъ и подъ иноческой рясой: въ минуту опасности Вальтеры, Ренò, Ильзаны выходятъ изъ монастырскихъ затворовъ и совершаютъ чудеса храбрости — какъ Данило Игнатьевичъ въ былинахъ о его сынѣ и Старчище Билогремлище (Пилигримище), крестовый багюшка Василя Буслаевича — въ былинахъ о послѣднемъ. — Врагамъ на руку это удаленіе богатырей

¹⁾ Кир. I. с. III прилож. стр. III. Въ былинѣ № 2 просвѣчиваетъ и другой мотивъ удаленія Данилы въ монастырь: недовольство на князя: жилъ онъ у него пятьдесятъ лѣтъ, не нажилъ ни золотой казны, ни двора широкаго. Да и сила у меня была малая (равная), прибавляетъ онъ иронически; жаловаться было не за что: онъ убилъ всего 50 царей, а темной силы и смѣту нѣтъ.

²⁾ Чоботокъ = калига (откуда калика)? Впрочемъ, Лассота отличаетъ богатыря Чоботка отъ Ильи: «*ein Riesz und Bohater Czobotka genendt, von dem sagt man, dass er einmalls von neben seinen Feinden unversehens überfallen worden, gleich wie er den einen Stiefel angelegt; als er aber in der Eill zu keiner andern Wehr kommen können, hat er sich mitt dem andern Stiefel, so er noch nicht angezogen, zur Gegenwehr gesetzt undt sie alle damit erlegt und von den Nahmen bekommen.* — Въ русскихъ былинахъ богатыри, застигнутые врасплохъ, схватываютъ осядь желѣзную, или отмахиваются татаринномъ, взявъ его за ноги, либо колпакомъ, шляпой «земли греческой». Отмахиваніе чоботомъ могло исчезнуть въ сѣверно-русскихъ пересказахъ.

отъ ратнаго дѣла: въ былинѣ о Михаилѣ Даниловичѣ № 2 невѣрные цари подходятъ подъ Кіевъ, когда довѣдались,

Што во Кіевѣ богатыри ушли въ монастыри,

посхимились. Побѣдопосые въ борьбѣ съ земными врагами они не устояли въ борьбѣ съ нездѣшной силой, принуждены ей покориться. Былина о томъ, какъ перевелись на святой Руси богатыри, образно представляетъ этотъ моментъ.

Выѣхали однажды на Сафать рѣку Илья и Добрыня, Алеша Поповичъ и др.; на восходѣ краснаго солнышка видятъ — черезъ рѣку переправляется несмѣтная сила басурманская. Бросились они на нее, стали колоть-рубить, изрубили силу поганую.

И стали витязи похваляться:

«Не намахались наши могучія плечи,

«Не уходились наши добрые кони,

«Не притупились мечи наши булатные!»

И говоритъ Алеша Поповичъ младъ:

«Подавай намъ силу нездѣшнюю:

«Мы и съ тою силою, витязи, справимся!»

Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,

Такъ и явился двое воителей,

И крѣкнули они громкимъ голосомъ:

— А давайте съ нами, витязи, бой держать,

— Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.

Не узнали витязи воителей;

Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,

Поднялъ онъ коня борзата,

Налетѣлъ на воителей

И разрубилъ ихъ по поламъ со всего плеча:

Стало четыре — и живы всѣ.

Такъ-же двоится нездѣшняя сила подъ ударами Добрыни, Ильи и всѣхъ витязей вмѣстѣ:

Стали они силу колоть-рубить,

А сила все растеть да растеть,

Все на витязей съ боемъ идетъ.

Испугались богатыри, побѣжали въ каменные горы, въ темныя пещеры, да тамъ и окаменѣли. Съ тѣхъ поръ и перевелись вязы на святой Руси ¹⁾).

Старые герои удаляются на склонѣ дней, побѣжденные христіанской идеей, въ пещеры, въ горы, т. е. въ монастыри. У насъ «монастыреве на *ioraxh* стаща, черноризци явишася», говоритъ Иларіонъ ²⁾; «богатыри ушли въ монастыри».

Этимъ удаленіемъ пользуются враги, но находятъ себѣ неожиданный отпоръ; въ *Guu de Bourgogne* молодое поколѣніе паладиновъ побѣждаетъ сарацинское войско; у насъ такая неожиданная побѣда достается двѣнадцатилѣтнему Михаилу Даниловичу. Но и онъ удаляется въ монастырь, обиженный княземъ, какъ другіе уходили въ него въ юныхъ лѣтахъ и полные силъ, избѣгая мірскаго соблазна. Такъ разсказывается о сынѣ перваго боярина Изяславова, по имени Іоанна: почувствовавъ въ себѣ сильное призваніе къ иноческой жизни, онъ явился къ пещерѣ Антонія, одѣвшись въ свѣтлую одежду, на богато убранномъ конѣ, окруженный отроками, и когда отцы пещерники при встрѣчѣ поклонились ему, по обычаю, какъ вельможѣ, онъ самъ поклонился имъ до земли; потомъ снялъ съ себя боярскую одежду и положилъ ее передъ Антоніемъ, поставилъ передъ нимъ своего коня и сказалъ: Твори съ нимъ, что хочешь; я уже презрѣлъ все мірское, хочу быть инокомъ, жить съ вами въ пещерѣ, и никогда не возвращусь въ домъ свой. — Его постригли подъ именемъ Варлаама ³⁾.

III.

Пѣсенныя сказанія о Михаилѣ Даниловичѣ могутъ быть сведены къ слѣдующей схемѣ.

¹⁾ Кир. IV, стр. 108—115. Съ окаменѣніемъ богатырей сл. старосл. *stein* въ значеніи кельи отшельника, Fms. X, 373; *setjask i stein*, Nj. 268, Grett. 162, *Trist; gefa sik i stein*, Játv. ch. 8; *sitja i helgum steini*.

²⁾ Прибавл. къ Твор. св. Отц. II, 241.

³⁾ Исторія русск. церкви Макарія, 2-е исправл. изданіе, т. II, стр. 53—55.

1. Михайль — юный богатырь; ему двѣнадцать лѣтъ.
2. Татары съ царемъ Уланищемъ подходятъ подъ Кіевъ.
3. Михайль выходитъ противъ нихъ. Владиміръ его оставляетъ:

Младъ Михайло сынъ Даниловичъ,
 Малимъ ты малѣшенекъ
 А молодымъ ты молодѣшенекъ:
 Всего тебѣ отъ роду двѣнадцать лѣтъ;
 А умомъ ты, Михайло, глупѣшенекъ,
 Въ чистомъ полѣ не бывываль,
 Кривого человѣка не видываль,
 На крѣпикомъ дѣлѣ не ставиваль,
 Ребачьимъ умомъ говоришь.
 Отвѣтъ держитъ младъ Михайло сынъ Даниловичъ:
 Государь князь Владиміръ Всеславѣвичъ!
 Вели, государь, поймавъ гоголя
 И вели держать его три года
 Да пусти того гоголя на воду,
 Умѣеть-ли гоголь по водѣ плавати?
 Такъ-то богатырское сердце неуимчиво. («Гисторія»).

Тогда Владиміръ подноситъ ему чару зелена вина («турей рогъ меду слаткова») говоритъ ему: «буди ты пожалованъ во всемъ столномъ граде Кіеве».

4. Михайль побиваетъ татаръ и убиваетъ царице Уланище.
5. Лихой оговорщикъ (далѣе въ гисторіи говорится о лихихъ оговорщикахъ) наклеветалъ на него передъ княземъ, который его заточаетъ.
6. Михайло удаляется въ монастырь, не смотря на уговоры князя и на обѣщаніе награды:

Михаиле сыну Даниловичу,
 Буди ты отъ меня пожалованъ:
 Злата казна про тебя не запечатана,
 Драгоценное платье не изпошено,
 Добрые кони стоятъ не обѣзжаны.
 — Говоритъ младъ Михайло сынъ Даниловичъ:
 Государь великій князь Владиміръ Всеславѣвичъ,

Много твоего государскаго жалованья.

У тебя въ стольномъ градѣ Кіевѣ,
Въ градѣ Кіевѣ лихи оговорщикъ,
Не велятъ тебѣ служить въфрой-правдою. («Гисторія»).

Подъ эту схему не трудно подвести и ту, которую мы составили выше на основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ малорусскихъ легендъ о Михайликѣ. Существенная разница состоитъ въ перестановкѣ двухъ §§ и въ измѣненіи мотива оговора, клеветы. Вотъ какъ перестраивается рассказъ о Михайликѣ въ примѣненіи къ схемѣ былины о Михаилѣ Даниловичѣ:

1. Михайликъ — юный богатырь; ему 7 или 12 (вмѣсто 18) лѣтъ.

2. Татары — юланове подходятъ подь Кіевъ.

3. Михайликъ выходитъ противъ нихъ, Владиміръ его останавливаетъ: «Михалятко-дитятко! молоде ти и неспособне, то тращоб бути літ 20 або 30, тоді хіба за меч можна братись». — Михаилъ отвѣчаетъ:

Господару Цару Володимеру!
Возьми ти утятко молоденьке,
І пусти на море спненьке:
Воно попливе як і стареньке.

(Владиміръ подносилъ ему чашу, говорилъ что «часть Кііва на тебе иде»).

4. Михайло побиваетъ татарь-юлановъ.

5. Кіевляне оговариваютъ Михайлика.

6. Онъ удаляется, не смотря на то, что Владиміръ останавливаетъ его словами, являющимися, въ возстановленномъ текстѣ былины, эпическимъ дублетомъ эпизода, стоявшаго уже въ § 3, и въ немъ единственно удержаннаго русскими пересказами.

Владиміръ говоритъ Михайлику:

В тебе чаша золотая,
Вина повна
Завжде,
І часть Кііва на тебе йде.

Михайликъ отвѣчаетъ:

Господару-Цару Володимеру!
 Так, в мене чаша золотая
 Вина повная
 Завжде....
 І часть Кліва на мене йде,
 Алл Клівська громада,
 То зла в неї рада.

(въ редакціи Кулиша: Ой Кияне, Кияне, нанове громада —
 Погана ваша рада).

Онъ удаляется въ Царьградъ, унося съ собою золотыя ворота. Тамъ онъ живетъ, питаясь водою и просвирою. Въ передачѣ Драгоманова онъ «поїхав за якісь гори... и став там жити»: на горахъ или въ горахъ, т. е. въ монастырѣ или въ пещерахъ, гдѣ онъ спасается, подвергая себя посту?

Какъ видно, содержаніе сѣвернорусскихъ былинъ о Михайлѣ и южнорусской легенды о Михайликѣ, за немногими исключеніями, совпадаетъ одно съ другимъ. Главное отличіе, опредѣлившее и перетасовку содержанія, состоитъ въ требованіи Кіевлянъ — выдать Михаила татарамъ, о чемъ былины ничего не знаютъ. Въ послѣднихъ вся вина падаетъ на Владиміра, повѣрившаго оговорщикамъ, тогда какъ въ южнорусской легендѣ вина «злой рады» принадлежитъ кіевлянамъ, и князь нехотя подчиняется ей, обнаруживая дружественныя отношенія къ молодому Михайлу. Можетъ быть, мы вправѣ говорить о двухъ редакціяхъ одного и того-же сказанія, распредѣлившихся между сѣверомъ и югомъ. Южная редакція сохранила въ легендѣ о Михайликѣ, не смотря на ея благочестиво-мистическую обработку, черты и отношенія древнѣйшей пѣсни, зародившейся въ дружинномъ быту и преслѣдовавшей княжескіе интересы въ разрѣзъ съ интересами земства, вѣча, громады: ея-то злая рада заставила удалиться Михаила, потому что татары требовали его выдачи и горожане опасались за себя; князь долженъ склониться къ ихъ желанію, и Михайлъ идетъ; Владиміру хотѣлось-бы удержать

Михаила, своего сродника: не ходи, тебѣ хорошо живется, у тебя чаша всегда полная, да и часть Кіева тебѣ достанется. Но Михайликъ отвѣчаетъ указаніемъ — на злую раду громады, съ которой не желаетъ вѣдаться — и какъ бы въ насмѣшку надъ нею одинъ побиваетъ непріятельскую рать. — Мистическая легенда обратила эту побѣду въ какое-то чудо.

Мы имѣемъ дѣло съ пѣснью, отзывающеюся той порой, когда городская громада-вѣче могла еще изгонять князя дружинника, а въ дружинной средѣ складывались пѣсни про князя, выжитаго трусливыми горожанами и одержавшаго, имъ на зло, блестящую побѣду надъ вражیمъ войскомъ. Въ этой связи родственныя отношенія Владиміра къ Михаилу, о которыхъ говорить южнорусская легенда, представляютъ древнюю черту, о которой сѣвернорусскія былины забыли. Въ нихъ Владиміръ является единодержавнымъ властителемъ Руси, у него нѣтъ ни братьевъ, ни сыновей, ни сродниковъ; богатыри находятся у него въ услуженіи; такъ и Илья Муромецъ. Между тѣмъ по свидѣтельству норвежской Тидрекъ-саги (XIII в.) ярль Иліасъ греческій (т. е. русскій) является братомъ Владиміра — и мы не имѣемъ никакого права заподозривать сагу въ ошибкѣ и извращеніи другихъ, болѣе древнихъ отношеній.

Если извращеніе произошло, то всего скорѣе его ожидать именно въ кругу сѣверно-русскихъ былинь. Отрѣзанныя отъ почвы, на которой онѣ создались, отдѣленные цѣлыми вѣками отъ историческихъ отношеній, которыя воплотились въ нихъ впервые, онѣ поневолѣ должны были исказить ихъ въ уровень съ новой исторической средой и той общественной и природной обстановкой, въ которой имъ суждено было доживать свою вѣковую жизнь. Приуроченіе вышло не полное. Образы южнорусской природы обратились въ общія мѣста, не разцвѣтятся новыми сѣверными красками; преувеличенію открылось широкое поле, потому что перепѣвалась не своя пѣсня, прямо вынесенная изъ жизни, изъ своего непосредственнаго прошлаго, однимъ словомъ изъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ пѣвецъ могъ-бы по-

стоянно почерпать чувство мѣры и норму вѣроятія: перепѣвалась пѣсня привнесенная, которую слѣдовало истолковать и переложить на ново, иначе она была-бы полупонята. Отсюда явленіе шаржа: татарина, этого сравнительно поздняго, общаго врага русской земли, онъ почти не коснулся; но онъ являлся во всей силѣ, когда на сцену выходило Идолище поганое, Змѣй или Старчище-пилигримище, съ исполинскимъ колпакомъ-колоколомъ и клюкой, или — на этотъ разъ татаринъ — царище Уланище (Кир. 1. с. № 2):

Вить ушишша-та у царишша — быдто блюдишша,
 А глазишша-та у царишша — быдто чаши пивныя,
 А носишшо-то у царишша — быдто палица боевая.

Въ чертахъ этого шаржа несомнѣнно сказалось сѣверно-русское народное примѣненіе, вѣроятно, не останавливавшееся на однихъ внѣшнихъ сторонахъ эпоса (деревни, вотчины Гисторія), а проникавшее въ его суть и глубь, чтобы пересоздать его по своей мѣркѣ. Вѣроятно, этому процессу принадлежатъ сословныя характеристики богатырей, сдѣлавшія Алешу сыномъ попа, Добрыню бояриномъ и т. д. Надо полагать, что въ древнихъ пѣсняхъ объ этихъ богатыряхъ были данныя, изъ которыхъ, при извѣстныхъ средствахъ примѣненія, могли выработаться позднѣйшіе сословные типы. Тоже можно замѣтить и объ Ильѣ Муромцѣ: представленіе его крестьяниномъ принадлежитъ, быть можетъ, сѣвернорусской порѣ эпоса: въ старыхъ пѣсняхъ о немъ открылись сѣвернымъ сказателямъ черты, которыя были *такъ* поняты или *такъ* истолкованы: въ богатырѣ, подвиги котораго были имъ особенно симпатичны, они увидѣли своего героя, крестьянина-богатыря. Въ XIII вѣкѣ его знали еще ярломъ-дружинникомъ.

Подобнаго рода процессъ, примѣненія и односторонняго пониманія, совершился и надъ древней былинной о Михаилѣ. Распря громады-вѣча съ княземъ, лежавшая въ ея основѣ, была забыта — вмѣстѣ съ забвеніемъ вѣчевыхъ порядковъ, являющихся

уже со второй половины XIV вѣка — лишь въ видѣ исключенія. Это вызвало въ былинѣ новый мотивъ: вмѣсто совѣта громады явились оговорщики, а вмѣстѣ съ ними и роль Владиміра приняла существенно враждебную окраску: онъ уже не дѣйствуетъ, увлеченный народнымъ рѣшеніемъ, противъ своей воли: онъ послушался оговора, и вся вина лежитъ на немъ. — Сѣверно-русскій сказитель, не понявъ участія громады, свелъ историческій моментъ борьбы между княземъ и вѣчемъ — къ княжескому капризу, отъ котораго страдаетъ неповинный дружинникъ.

При толкованіи русскихъ былинъ необходимо слѣдуетъ имѣть въ виду, что мы имѣемъ дѣло съ матеріаломъ, подвергавшимся не только историческому и бытовому примѣненію, но и всѣмъ случайностямъ устнаго пересказа, не рѣдко собирающаго въ одно, что пѣлось порознь, или же разбрасывающаго по разнымъ пѣснямъ и лицамъ, что пѣлось въ одной пѣснѣ и объ одномъ лицѣ. — При такомъ качествѣ матеріала въ высшей степени важно бываетъ — опереться на источникъ, стоящій внѣ его, по крайней мѣрѣ отъ него обособившійся и не пережившій всѣхъ его превращеній. Я разумѣю, въ данномъ случаѣ, малорусскую легенду о Золотыхъ воротахъ. Сравненіе ея съ нашими былинами о Михаилѣ позволило намъ возстановить съ нѣкоторою вѣроятностью ихъ первичную схему. Слѣдующій разборъ дастъ намъ возможность внести въ нее нѣсколько другихъ подробностей, вѣроятно ей принадлежавшихъ. — Обратимся къ былинамъ о Ермакѣ.

IV.

Гильф. № 92. Калинъ царь посылаетъ къ князю Владиміру татарина съ требованіемъ — очистить для него палату княженецкую, подворья богатырскія. Владиміръ обращается къ помощи своихъ богатырей, и они *вытѣжаютъ* изъ Кіева, обѣщая съ непріятелемъ «поправиться». Былъ у Владиміра любимый *племничекъ*,

Младый Ермакъ Тимофеевичъ, —
 А приходитъ онъ къ дядюшкѣ къ князю Владиміру,
 А бьетъ челомъ, покланяется:
 «А дядюшка князь ты Владиміръ стольнѣ-кіевской!
 «А дай мнѣ прощеньице благословленьице
 «А изъ города изъ Кіева повиѣхать!»
 А прогѣворитъ князь Владиміръ стольнѣ-кіевской:
 — Ай же любимый мой племянчикъ,
 — Младый Ермакъ Тимофеевичъ!
 — *А ты младешенекъ да ты мунешенекъ,*
 — *А отъ роду въку двѣнадцать мѣтъ,*
 — А устрашишься ты въдъ ужахнешься
 — Силы войска татарскаго:
 — Не дамъ тебѣ прощеньица благословленьица
 — А изъ города изъ Кіева повиѣхать. —
 А спрѣговоритъ младый Ермакъ Тимофеевичъ:
 «Дядюшка князь Владиміръ стольно-кіевской!
 «А ты дашь мнѣ прощеньице, повиѣду,
 «Аль не дашь мнѣ прощеньица, повиѣду».

Выбравъ на конюшнѣ коня добраго, взявъ копье и палицу, онъ выѣзжаетъ изъ Кіева, видитъ въ полѣ шатры, гдѣ расположились богатыри, которыхъ упрекаетъ, что они тѣшатся, забавляются, тогда какъ Владиміръ остался кручиновать, печаловать. Богатыри велѣли ему взлѣсть на сырой дубъ — поглядѣть на войско татарское; когда онъ долго не возвращается, посылаютъ за тѣмъ-же Алешу Поповича. Смотритъ Алеша съ сыра дуба — а Ермакъ ѣздитъ по татарской силѣ, куда ѣздитъ — туда улица, а повернетъ — переулками. Къ нему отряжаютъ Добрыню, чтобъ онъ уговорилъ его словами ласковыми, удержалъ баграми желѣзными, укротилъ-бы сердце богатырское. (Сл. Рыбн. I, № 21). — Былина № 105 Гильф. открывается такимъ-же посольствомъ Калина, которому Илья Муромецъ отвозитъ княжескіе подарки; испросивъ у Калина сроку на три мѣсяца, Илья *отгъзжаетъ* на гору Латинскую, гдѣ «стоятъ воины кіевскіе — тридцать воиновъ безъ война». Между тѣмъ Владиміръ повѣсилъ буйну голову; «нѣтъ во Кіевѣ защитчиковъ», говоритъ онъ

племяннику, Ермаку Тимофеевичу — а тотъ просится у него выѣхать «во тую силу во поганую — попробовать своихъ плечъ богатырскихъ». Владиміръ отказываетъ ему въ этомъ, но даетъ свое благословенье — выѣхать на горушку Латынскую. Вмѣсто того Ермакъ, выбравшись изъ Кіева, обращается на Калиново войско, которое «валомъ валить». Илья увидѣлъ его съ горы и посылаетъ къ нему Алешу Поповича, а за тѣмъ Добрыню — упросить его словами ласковыми, накинуть на него «храпы бѣлые — чтобы укротилъ свое сердце богатырское». Не удается это ни Алешѣ, ни Добрынѣ, ни самому Ильѣ — и былина кончается тѣмъ, что самъ Илья, не смогну укротить юнаго богатыря, вмѣстѣ съ нимъ пускается побивать Татаръ. — Сл. Рыбн. I № 20: Владиміръ шлетъ Калину подарки по совѣту богатырей, *стоящихъ на заставѣ* и посылающихъ къ нему гонца; двѣнадцатилѣтній Ермакъ — *племянникъ* князя; Илья смотритъ на его богатырскіе подвиги со Скать-горы; посылаетъ удержать его Алешу, Добрыню, укрощаетъ его самъ. «Тутъ молодой Ермакъ онъ *преставился* (?)». Богатыри побиваютъ Калиново войско. — Въ былинѣ у Кир. I, 1 стр. 58—66 мѣсто Калина занимаетъ Мамай, Владиміръ проситъ у него срока на три мѣсяца, по совѣту Ильи, который *отправляется* въ поле за тридевятью богатырями: Алешей, Самсономъ, Свѣтогоромъ, Дономъ Ивановичемъ, Иваномъ Кольвановичемъ. Онъ встрѣчаетъ ихъ, и они просятъ его войти во бѣлыя шатеръ, выпить чару зелена вина. Съ той ли чары Илью хмѣль зашибъ — и онъ засыпаетъ на двѣнадцать дней. Между тѣмъ Владиміръ «посылаетъ ко Ильѣ онъ *племянника*, — молодова Ермака Тимофеевича» — далѣе Ермакъ величаетъ Илью дядюшкой; — о томъ что онъ дѣлаетъ это по настоятельной просьбѣ молодаго богатыря, а не по своей волѣ, — нѣтъ рѣчи. Ермакъ наѣзжаетъ на шатеръ, отказывается войти въ него и испить чару — и, оборотивъ коня къ Кіеву, вступаетъ въ бой съ татарами, обступившими городъ:

*Побилъ онъ силы Мамаевой безъ счету,
А силы все, кажись, не ubyло,
А Ермакъ изъ силы выбился.*

Онъ ложится опочивъ держать, а богатыри тѣмъ временемъ доканчиваютъ побѣду и вмѣстѣ съ Ермакомъ возвращаются въ Кіевъ. — Былина переходитъ далѣе въ другую (?): о боѣ Ермака съ Бабищей Мамаишной. — Эпическое выраженіе, что вражьей силы все «не ubyло», разработано въ нѣкоторыхъ былинахъ въ извѣстный уже намъ эпизодъ о гибели богатырей на Руси. Такъ въ № 138 Гильферд.: самъ Владиміръ по совѣту Ильи, везетъ подарка Калину; всѣ двѣнадцать богатырей *выльзжаютъ* на заставу великую, между тѣмъ какъ Владиміръ одинъ остается въ Кіевѣ, а за Кіевъ градъ постоятъ некому.

*Съ того царева со кабака,
Зъ-за тыхъ зъ-за бочекъ зъ-за винныхъ,
Повыскачилъ младый Ермакъ Тимошеевичъ,*

называетъ Владиміра *крестнымъ батюшкой*, проситъ коня, чтобъ поѣхать на заставу; Владиміръ отговариваетъ его, но тѣмъ принужденъ уступить. Далѣе былина развивается, какъ № 92 Гильф. (сырой дубъ), но представляетъ своеобразное окончаніе: по наказу Ильи богатыри скрутили Ермака, вывели изъ силы великой, не то онъ, младый выюношь, перервется, не будетъ впредь богатыремъ. Послѣ того они принимаются бить татаръ, перебили ихъ, порасхвастались:

*«Кабы была на небо лѣстница,
«Мы прибили-бы мы всю силу небесную».
А тутъ убьютъ татарина — станеть два да три.
Тутъ русскіе могучіе богатыри,
Приблись они, примучились,
И другъ друга прикололи, прирѣзали,
Не осталось на Руси богатырей,*

кромѣ Ермака, который одинъ возвращается въ Кіевъ. — Такое-же окончаніе представляетъ былина № 121 Гильф.: посоль-

ство Калина; Владиміръ не отдаривается; Илья Муромецъ обѣщается постоять за Кіевъ, но проситъ поотдохнуть двѣнадцать дней. Этимъ объясняется *отъѣздъ* богатырей и ихъ отдыхъ въ шатрахъ. Ермакъ также просится у Владиміра, который отговариваетъ его молодостью: ему семнадцать лѣтъ. — Да гдѣ-же родной твой батюшка? спрашиваетъ его Владиміръ:

Мой то родной батюшко ушолъ къ Герману Сергію,
Въ старци ушолъ постригаться.

Отъѣздъ Ермака, который пріѣзжаетъ къ богатырскимъ шатрамъ; Илья велитъ ему взлѣзть на широкой дубъ, посмотрѣть на войско татарское — послѣ чего онъ отправляется побивать татаръ. Илья также «высталъ ли въ тогъ широкъ дубъ» и также выѣзжаетъ въ поле. Вмѣстѣ они прирубили поганую силу; тутъ расхвастался Илья:

«Какъ явилась-бы тутъ сила небесная,
Прирубили-бы мы силу всю небеспую!»
Розрубить татарина единого,
А сдѣлается съ едина два.

«Пересѣлся» тутъ Илья «отъ этихъ татаръ да отъ поганныхъ»:

Окаменѣлъ его конь да богатырскою,
И сдѣлалися мощи да святыи
Да со старъ казака Ильи Муромца

(Сл. Рыбн. I, № 22).

Былина Гильф. 69 сохранила въ нѣкоторыхъ чертахъ связь съ той особой рецензіей былинъ о Калинѣ, въ которой Илья Муромецъ сидитъ въ тюрьмѣ, куда заключилъ его Владиміръ и откуда онъ принужденъ его выпустить въ минуту опасности, поклониться ему: тогда Илья ѣдетъ собирать богатырей, разсердившихся на Владиміра за его расправу съ Илей и *выгнавшихъ* изъ Кіева. Въ № 69 Гильф., когда Апраксія узнаетъ о требованіяхъ Калина, она говоритъ Владиміру:

А ѿ вышай затюремичковъ грѣшниковъ,
 А ѿ прощай-ко во всѣхъ винахъ великихъ,
 А ѿ какъ всихъ призывай къ себѣ да на почестенъ пирь,
 А ѿ какъ призывай-ко сильнѣхъ могучѣхъ богатырей,
Призывай-ко старого казакá да Илью Муромца.
 А хоша онъ сердитъ на тебя на солнышка князя на Владиміра,
 А може прїѣде къ тебѣ да на почестенъ пирь.

Далѣ эти аллюзіи не разработаны: Илья на пиру у Владиміра велитъ отправить къ Калину пословъ съ подарками и проситъ срока, а самъ *уызжаетъ* собирать дружину. Между тѣмъ срокъ проходитъ, а Ильи нѣтъ; тогда молодой Ермакъ просится у Владиміра — поѣхать съискать Илью Муромца. Три раза онъ проситъ, три раза отказывается Владиміръ и *трижды подноситъ богатырю по чаръ зелена вина*. Слѣдуетъ отѣздъ Ермака: онъ прямо направляется къ татарскому войску, въ то время какъ съ другой стороны на него-же набѣгаетъ Илья съ своей дружиной; богатыри «силу присѣкли до одинаго». — Такою же связь съ упомянутымъ выше особымъ цикломъ былинъ о Калинѣ (Илья въ погребу; недовольные богатыри въ отлучкѣ), хотя менѣе ясную, представляетъ Рыбн. I № 19: узнавъ требованія Калина, Владиміръ поочередно обращается за помощью къ Добрынѣ, Михаилу, Потокѣ, Ильѣ; всѣ отказываются: они не могутъ болѣе служить — стоятъ за Кіевъ градъ и всѣ *«поворотъ держатъ»*. Тогда *племянникъ* Владиміра, младъ Ермакъ Тимоѣевичъ, просится у него на подвигъ; тотъ удерживаетъ его, но подъ конецъ позволяетъ выбрать коня и ратную сбрую. Ермакъ находитъ богатырей въ шатрахъ, упрекаетъ ихъ; Илья велитъ ему взойти на гору и посмотрѣть на татарскую силу; Ермакъ бьется съ ней три дня и три ночи; проспавшійся Илья спрашиваетъ, вернулся-ли Ермакъ съ горы, и узнавъ что его нѣтъ, выговариваетъ русскимъ богатырямъ: «Погубили вы головку наилучшую, — Бьется тамъ Ермакъ — пересядется!» И богатыри отправляются къ нему на помощь: «Укроти свое сердце богатырское», говоритъ ему Илья, «А мы нощъ за тебя поработаемъ». Прибили они всю силу въ три часа.

Въ какихъ отношеніяхъ стоятъ эти былины о Калинѣ и Ермакѣ къ тому циклу пѣсень, въ которыхъ главную роль играетъ Илья, выпущенный изъ заключенія Владиміромъ? — Илья посаженъ Владиміромъ въ «глубокъ погребъ», богатыри, оскорбленные несправедливостью князя, отказываются служить ему и *вытѣжжаютъ* изъ Кіева. Когда является посланный Калина, Владиміръ освобождаетъ Илью, винится передъ нимъ и проситъ защиты; Илья отправляется искать богатырей, находитъ ихъ въ шатрахъ, сообщаетъ просьбу Владиміра. Тѣ не хотятъ о ней слышать — но подъ конецъ соглашаются, и всѣ вмѣстѣ собираются противъ татаръ; между ними названъ одинъ, къ которому Илья и держитъ рѣчь: его крестный батюшка, Самсонъ Самойловичъ (№ 57 Гильф.; сл. № 75 ib.), или дядюшка Самсонъ богатырь (№ 296 ib.), Самсонъ Нанойловичъ (ib. № 304). Но Ильѣ «не спится, мало сбится»: онъ выѣзжаетъ одинъ, рубить рать-силу поганую, его конь перескочилъ черезъ два подкова татарскихъ, въ третій свалился Илья, а его конь убѣжалъ. Илью ведутъ на казнь; какъ взмолился онъ всѣмъ святителямъ, его конь примчался изъ чиста поля, разорвалъ его путы шелковыя, и Илья стрѣляетъ на ту гору, гдѣ въ шатрахъ покоятся богатыри. Они предупреждены, и являются на встрѣчу Ильѣ (Гильф. № 57). Тоже содержаніе въ № 75 Гильф., только здѣсь богатыри не хотятъ ѣхать на помощь Владиміру и выѣзжаютъ лишь на помощь Ильѣ (сл. ib. № 296; въ № 257 нѣтъ богатырей; въ 304, наоборотъ, забыто заключеніе Ильи, но развитіе то же, что въ №№ 57 и 296).

Сближая эту былинку съ пересказанными выше пѣснями о Ермакѣ и Калинѣ, легко замѣтитъ общія черты, остающіяся за вычетомъ особенностей: 1) Ермакъ выѣзжаетъ изъ Кіева, когда тамъ *нѣтъ богатырей*; находитъ ихъ покоящимися въ шатрахъ, говоритъ имъ объ опасности, самъ пускается на татарское войско; богатыри являются ему на помощь; между ними главный Илья Муромецъ, который въ одной пѣснѣ Кир. I, 1 стр. 58—66 названъ его дядей. 2) Илья (выпущенный изъ тюрьмы) вы-

ѣзжаетъ изъ Кіева, гдѣ *богатырей не «случилося»*, наѣзжаетъ на шатры, проситъ богатырей о помощи, самъ выходитъ противъ татаръ; богатыри выручаютъ его; главный между ними — его дядя или крестный батюшка: Самсонъ Самойловичъ или Нанойловичъ. 3) Мы можемъ установить еще третью параллель: между этими былинными сюжетами и пѣснями о Михаилѣ Даниловичѣ. Михаилъ выѣзжаетъ изъ Кіева (Ермакъ, Илья), ѣдетъ за совѣтомъ къ богатырю, какъ Илья и Ермакъ обращаются къ богатырямъ, расположившимся въ шатрахъ, на заставѣ. Родственнымъ отношеніямъ Ильи къ Самсону, Ермака къ Ильѣ, отвѣчаютъ такія-же въ пѣснѣ о Михаилѣ: онъ совѣтуется со своимъ отцемъ, богатыремъ, ушедшемъ въ монастырь, какъ въ одномъ пересказѣ былины объ Ермакѣ (Гильф. № 121) отецъ его также постригся въ старцы. Какъ Илья, такъ и Михаилъ попадаютъ въ подкопы; богатыри являются на помощь Ильѣ, между ними его дядя или крестный батюшка Самсонъ; родной отецъ Михаила догадывается объ его участи, увидѣвъ коня, сбросившаго его (та же черта въ былинахъ объ Ильѣ), и идетъ къ нему на помощь; не признавъ его, онъ готовъ съ нимъ сразиться. Этотъ эпизодъ, можетъ быть, объяснить намъ подробность въ былинахъ о Ермакѣ: что Илья, выѣхавшій къ нему на помощь, налагаетъ на него ханы, чтобъ укротить его сердце богатырское. Древняя былина говорила, быть можетъ, о враждебной встрѣчѣ отца съ сыномъ, какъ въ былинахъ о Михаилѣ, о Саулѣ Леванидовичѣ и въ особомъ циклѣ пѣсенъ о боѣ Ильи съ сыномъ, имъ неузнаннымъ.

Позволено поставить вопросъ: въ какой изъ разобранныхъ нами былинныхъ группъ принадлежали первоначально общія мѣста, опредѣлившіяся, какъ таковыя, изъ предъидущаго сопоставленія? Онѣ сводятся къ типу *юнаго богатыря*, выѣзжающаго самовольно на бранный подвигъ и получающаго помощь отъ старшаго, ему родственнаго. — На сколько этотъ эпизодъ слѣдуетъ считать подлиннымъ въ былинахъ объ Ильѣ — это зависитъ отъ нашей точки зрѣнія на былинный типъ Илья, какъ

старого, матераго, и на древность такъ называемыхъ богатырей «старшихъ», къ которымъ принадлежитъ и Самсонъ Нанойловичъ. Смотря потому, какъ мы уяснимъ себѣ этотъ хронологическій вопросъ, сложится и наше рѣшеніе о значеніи выше разобраннаго эпизода: онъ представится намъ либо перенесеннымъ отъ Ильи къ богатырямъ младшимъ, либо разработаннымъ въ былинахъ объ Ильѣ по типу пѣсенъ о послѣднихъ, сыновьяхъ и племянникахъ: Ермакъ названъ въ былинахъ о немъ *племянникомъ* Владиміра; Михайликъ также находится въ какихъ то родственныхъ отношеніяхъ къ нему: онъ царскій сынъ, на его долю приходится часть Кіева; эти отношенія слѣдуетъ, вѣроятно, распространить и на Михаила русскихъ былинъ. Въ крайне запутанной былинѣ о князѣ Карамышевскомъ (Гильф. № 10) племянникомъ Владиміра является какой-то Василій Иваловичъ. Не Василій-ли Игнатъевичъ, Пьяница?

V.

Уже Майковъ (I. с. 32) замѣтилъ, что въ лицѣ Михайлика, вѣроятно, соединились Михаилъ Даниловичъ и Василій Пьяница русскихъ пѣсенъ. О послѣднемъ поется, что онъ освободилъ Кіевъ отъ подступавшей подъ него татарской силы, и былины начинаются съ эпизода, напоминающаго чудесную стрѣльбу Михайлика. Когда Батыга подошелъ подъ Кіевъ и потребовалъ себѣ поединщика (Рыби. II, № 11, стр. 41, ст. 53; III, № 37, стр. 222, ст. 32), всѣ богатыри въ отлучкѣ.

А случился во Кіевѣ голь кабацкая,
 А Василей сынъ Игнатъевичъ.
 Направляетъ онъ стрѣлочку каленую,
 Онь стрѣляетъ по бѣлымъ по шатрамъ,
 А убилъ-то вѣдь лучшихъ три головушекъ,

сына и зятя Батыевыхъ, да «дьячка да выдумщикка» (Гильф. № 41, стр. 206. Сл. троякую стрѣльбу Михайлика въ пѣснѣ,

слышанной Стояновымъ). Батыга требуетъ его выдачи, какъ и въ малорусской легендѣ татары требуютъ выдачи Михайлика. Далѣе сходство между былиной и легендой прекращается — въ общемъ, но частныя совпаденія подробностей замѣчательны, открывая просвѣты въ тайны постояннаго сложенія и, вмѣстѣ, искаженія народной пѣсни. Послѣднее раскрывается мнѣ въ представленіи Василья — пьяницей, «упьянсливымъ», голью кабакою. Такъ во всѣхъ былинахъ о немъ и Батыгѣ; такъ даже въ № 258 Гильф., сохранившемъ несомнѣнно слѣды древности въ чертѣ, снова сближающей Василья съ Михайликомъ: Василь — двѣнадцатилѣтній мальчикъ, какъ Михайло, какъ Константинъ Сауловичъ въ былинахъ о немъ (ему 9 или 12 лѣтъ), Добрыня и Волхъ и Ѳеодоръ Тиронъ русскаго духовнаго стиха.

Только во Кіевѣ осталосе во городѣ

Одна-та вѣдь голь-та кабацкая,

Молодые Василей Игнатьевъ сынъ.

Да въ молодые мѣта онъ во двѣнадцать мѣтъ,

Да онъ пропилъ жятѣ бытѣ отеческо богатество (стр. 1180).

Былина Гильф. № 18 поняла это иначе: по голямъ-то гулялъ *двѣнадцать мѣтъ*. Сл. Рыбн. I № 29, II № 10. Упьянсливость молодого богатыря явилась слѣдствіемъ наивнаго, простонароднаго обобщенія одной черты, находившейся въ древней пѣснѣ и легко возстановимой по моему мнѣнію: въ малорусской легендѣ (Кулишъ) Михайликъ стрѣляетъ въ татаръ, которые требуютъ его выдачи; Владиміръ напутствуетъ его чашей. Я уже указалъ выше на настоящее мѣсто, къ которому слѣдуетъ приурочить, согласно съ русскими былинами о Михаилѣ, слова Владиміра къ Михайлику (по Драгомановской редакціи):

В тебе чаша золотая

Вина повна?

Въ былинахъ о Васильѣ и Батыгѣ — Василь убиваетъ сына и близкихъ людей Батыги, татары требуютъ выдачи виновнаго, и Владиміръ посылаетъ его, также напутствуя его чашей, или скорѣе

тремя чашами, заповѣданными древнерусскимъ домостроемъ. Эта черта, открывавшая древнюю былинну (сл. также былинну № 69 Гильф. о Ермакѣ), послужила въ сѣвернорусскихъ ея пересказахъ къ характеристикѣ ея протагониста, какъ упьянсливаго. Его находятъ въ кабакѣ (сл. № 138 Гильф. о Ермакѣ) и приводятъ къ Владиміру; онъ проситъ опохмѣлиться.

Наливае онъ чару зелена вина,
Другу наливае пива пьянаго,
А ѣ третью рюму да сладкаго меду (Гильф. № 18, стр. 118).

Только тогда онъ отправляется къ Батыгѣ, у котораго также проситъ опохмѣлиться — и затѣмъ уже побиваетъ татарь.

Эту характерную упьянсливость Василю едва-ли не слѣдуетъ приписать самостоятельной поэтической дѣятельности сѣвернорусскихъ пересказчиковъ, пересоздавшихъ по своему, на основаніи одного вѣднѣшаго мотива, двѣнадцатилѣтняго богатыря древней пѣсни. Такого рода искаженія не рѣдки въ нашемъ эпосѣ. Если это толкованіе вѣрно, то въ связи съ нимъ можно-бы объяснить и самое имя богатыря: Василій упьянсливый подставился, быть можетъ, на мѣсто другаго имени, потому что былъ народнымъ типомъ пьяницы. Въ древне-русской словесности извѣстно слово «Василія о томъ, какъ подобаетъ воздржаться отъ пьянства»¹⁾; русскій духовный стихъ перевелъ эти назиданія въ конкретные образы: Василю Великаго, которому является Богородица, побуждающая его оставить хмѣльное питіе²⁾. Типическое имя было готово.

Сообщенное выше содержаніе былинъ о Васильѣ позволяетъ намъ предложить нѣсколько соображеній объ ихъ отношеніяхъ къ пѣснямъ о Михаилѣ и къ легендамъ о Михайликѣ. Послѣднія

¹⁾ Срезневскій, Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, Сборн. отдѣленія русск. языка и словесности Имп. Акад. Наукъ т. XII (1875) стр. 321—6.

²⁾ Якушкинъ, Русск. пѣсни № XVI; Безсоновъ, Калики VI, № 572 и слѣд.

мы старались свести къ одной общей схемѣ, выбирая изъ нихъ лишь *общія черты* и вмѣняя ихъ тому предполагаемому первообразу, изъ котораго потекли и наши былины о Михайлѣ Даниловичѣ. Къ этимъ общимъ чертамъ мы не нашли возможности отнести слѣдующія: 1) *стрѣльба богатыря*: рассказывается о Михайликѣ¹⁾, не о Михайлѣ; 2) *требованіе его выдачи со стороны татаръ*: передается о Михайликѣ, не о Михайлѣ — вслѣдствіе чего наше сближеніе соответствующихъ эпизодовъ былинъ и легенды должно было выразиться общимъ мѣстомъ: удаленія Михаила — Михайлика (въ легендѣ по требованію татаръ и настоянію кievской рады; въ былинѣ по наговорамъ). Въ 3) можно было колебаться относительно мѣста, какое занималъ въ древней былинѣ эпизодъ о *чашѣ*, которою князь чествовалъ богатыря. Согласіе былинъ о Михайлѣ и о Васильѣ рѣшаетъ противъ кievской легенды. Такимъ образомъ всѣ ея подробности покрываются соответствующими чертами русскихъ былевыхъ пѣсенъ — потому что былины о Васильѣ позволяютъ намъ еще разъ видоизмѣнить предложенную не разъ схему древнѣйшей пѣсни:

1. Михайлъ — юный богатырь.

2. Татары подходятъ подъ Кіевъ. *Онъ въ нихъ стрѣляетъ. Татары требуютъ его выдачи.*

3. Михайлъ выходитъ противъ нихъ. Владиміръ останавливаетъ его, *подноситъ ему чашу*, обѣщаетъ награды.

4. Михайлъ побиваетъ татаръ.

5. Его оговариваютъ.

6. Онъ удаляется въ монастырь.

Это предполагаемое содержаніе древней пѣсни неравномѣрно распредѣлилось въ позднихъ русскихъ и малорусскихъ пересказахъ. Былины о Васильѣ сохранили исключительно первые четыре

¹⁾ Съ стрѣльбой Михайлика сл. слѣдующую черту въ малорусской легендѣ о Паліи: онъ обступилъ мазепино войско, «а Мазепа проклятий сидитъ у каменному мурі на третѣму этажі і чай пѣс.... Палій подививсь, і як пустив стрілу, та стріла Мазепи в шклянку попала» и т. д. Драгомановъ, Малорусскія народн. предан. и рассказы р. 204.

эпизода пѣсни, былины о Михаилѣ ихъ сократили, развѣвъ преимущественно ея конецъ. Малорусскіе пересказы легенды удержали еѣ цѣликомъ, но сплотивъ въ одинъ мотивъ, что вначалѣ пѣлось раздѣльно: мотивъ выдачи съ мотивомъ удаленія, по требованію злой рады горожанъ. Что послѣдняя отвѣчаетъ именно наговору русскихъ былинь о Михаилѣ, выясняется изъ связи этого эпизода съ непосредственно слѣдующимъ: удаленіе Михаила въ монастырь едва-ли можно отдѣлить отъ таинственнаго исчезновенія Михайлика. — На дальнѣйшія видоизмѣненія древней пѣсни на русской почвѣ въ пѣсняхъ о Васильѣ Игнатьевичѣ указано было выше.

Я не утверждаю, чтобъ послѣдней предложенной нами схемѣ отвѣчала когда-либо такая-же *цѣльная пѣсня* о Михаилѣ. Для нашей цѣли было-бы достаточно, еслибъ намъ удалось возстановить содержаніе того *цикла пѣсенъ*, связанныхъ общностью героя и единствомъ эпической темы, котораго отдѣльные отрывки дошли до нашей поры, разбредясь по разнымъ легендарнымъ и былиннымъ группамъ.

Нѣкоторыя пѣсни о Васильѣ становятся особо, какъ продуктъ внѣшняго смѣшенія. Въ былинѣ у Кирши (Кир. I, 1, стр. 70—76) Василій Пьяница стрѣляетъ съ башни въ татаръ и убиваетъ зятя царя Калина (= Батыги другихъ пѣсенъ). Царь требуетъ его выдачи. Какъ и въ другихъ былинахъ — въ то время «богатырей въ Кіевѣ не случилось». На выручку является возвратившійся Илья Муромецъ: вмѣстѣ съ Владиміромъ, переодѣтымъ поваромъ, онъ отправляется въ татарскій станъ съ «честными подарками» и побиваетъ вражье войско. Василій не показывается въ дальнѣйшемъ ходѣ былины: расправившись съ татарами, Илья застаётъ его въ Кіевѣ «на кружалѣ Петровскіимъ». Въ былинѣ № 170 Гильф. Калинъ требуетъ себѣ поединщика; богатырей въ Кіевѣ нѣтъ; тогда «Васильюшка упыансливый» предлагаетъ Владиміру — пойти оповѣстить отсутствующаго Илью, который и расправляется съ Калиномъ. — Такое-же смѣшеніе представляетъ былина № 186 Гильф.: на Кіевъ на-

ѣхаль *идолнице* великое, требуетъ себѣ поединщика. О томъ, что въ Кіевѣ нѣтъ богатырей — былина умалчиваетъ, но положеніе дѣла представляется очевидно то-же:

Бѣда пришла немнучая.

А ѣ говорить тутъ Василей упьянсливой,

Говоритъ тутъ онъ таково слово:

— Стольнїя князь стольнѣ-кїевской!

— Дай-ко-сь мнѣ зелена вина,

— Ретливó сердце мнѣ прїобкатить,

— Буйна гóлова мнѣ извѣселить.

Ему наливають чару зелена вина въ полтора ведра, онъ беретъ въ руки «клюху» богатырскую. — Далѣе былина переходитъ въ другую: объ Ильѣ Муромцѣ и Идолицѣ, причемъ Василій является каликой, въ роли каликъ Иванища, *Игнатюца* (Рыбн. III, № 9) или Данилы *Игнатъевича* (Кир. IV, стр. 22—38). Смѣшеніе объясняется механически: Василій въ пѣсняхъ о немъ обыкновенно прозывается *Игнатъевичемъ*¹⁾; *Данило Игнатъевичъ* извѣстенъ намъ изъ пѣсенъ о Михайлѣ: это — монахъ богатырь, снабжающій конемъ и ратной сбруей своего сына, юнаго богатыря, какъ въ былинахъ объ Идолицѣ Илья беретъ каличье платье и «земле-грецкую шляпу, сорокъ пять пудовъ» у богатыря-каляки, *дяди* Данилы Игнатъевича (Кир. I. с.). — Эта черта обращаетъ насъ къ пѣснямъ объ Ильѣ и Идолицѣ: можетъ быть, онѣ дадутъ намъ возможность уяснить нѣкоторыя подробности легенды о Михайликѣ. Въ связи съ этими пѣснями мы поставимъ былины объ Ильѣ и голяхъ кабацкихъ.

VI.

1. *Илья и Идолнице*. *Идолнице* поганое обнасилничаль Кіевъ, нока Илья былъ въ *отлукъ* (Кир. I, 4, стр. 18: двѣ-

¹⁾ Только въ былинѣ Кир. I, 2, стр. 93—6 Василій пьяница названъ Казнѣровичемъ, т. е. Казимировичемъ.

надпать лѣтъ). Калика «Сильный Иванище», встрѣтившись съ нимъ, говорить ему о томъ; Илья мѣняется съ нимъ платьемъ; явившись въ Кіевъ каликой, говорить, что пришелъ со степей Цѣсарскихъ поклониться пресвѣтлomu князю Владиміру, и побиваетъ Идолище шляпой земли греческой (Кир. I. с. р. 18—21; сл. ib. I, 1, стр. XXI—XXII: сказку объ Ильѣ Муромцѣ; «Колѣчица прохожій» не названъ). — Въ былинѣ № 4 Гильф. *Идолище* подошелъ подь Кіевъ, когда не было тамъ «русьскіихъ могучіихъ богатырей» кромѣ Алешеньки Левонтьевича; *Илья Муромецъ ѣздилъ въ то время у Царя-града*. На дорогѣ въ Кіевъ ему встрѣчается «Пereгримищо да тутъ могучій Иванищо», который извѣщаетъ его о бѣдѣ, постигшей Владиміра. Дальнѣйшій ходъ былины тотъ-же. — Въ былинѣ № 144 Гильф. насильникъ Кіева названъ *татариномъ*; калика переходящая безъ имени; «въ Кіевѣ богатырей не случилось» (сл. Рыбн. III, № 7). — Гильф. № 245: «*Едолище*, по прозванію Батыга Батыговичъ»; «переходящая калика бродимая», «славно Иванище»; *по дорогѣ въ Кіевъ* Илья проситъ голей кабацкихъ опохмѣлить его и самъ выкатываетъ имъ три бочки. Развязка та-же. — № 22 Гильф. *Батыга Батыговичъ* подходит подь Кіевъ, Владиміръ выходитъ къ нему съ подарками, проситъ хлѣба-соли покушать, а самъ *посылаетъ вѣсточку* Ильѣ Муромцу, во чисто поле. Илья является въ одеждѣ калики, убиваетъ Идолище и затѣмъ побиваетъ рать силушку великую. Калика переходящаго нѣтъ, былина забыла его, или, скорѣе, пѣвецъ припуталъ къ его имени событіе, стоящее внѣ содержанія былины: въ другихъ ея пересказахъ калика, встрѣчающійся съ Ильей, называется сильнымъ могучимъ Иванищемъ; наша былина рассказываетъ послѣ побѣды Ильи, и внѣ всякой связи съ ней, о томъ, какъ онъ сватаетъ своего брата названнаго, «Иванушка могучаго», за дочь короля «литомскаго» (Литовскаго, политовскаго). — Въ былинѣ Рыбн. I, № 15 отлучка Ильи забыта, и послѣдовательность спутана, въ сравненіи съ предъидущими пересказами, но содержаніе то-же (*Одолище*, каличище Иванище).

Насильникъ названъ то Идолицемъ, то Батыгой. Илья находитъ въ отлучкѣ. Одна изъ былинъ (Гильф. № 4) говоритъ, что онъ ѣздилъ у Царя-града, когда надъ Кіевомъ стряслась бѣда. Эта локализація въ нашемъ случаѣ едва-ли случайна: она поддерживается цѣлымъ кругомъ пѣсенъ, въ которыхъ мотивъ предъидущихъ является пріуроченнымъ именно къ Царьграду.

Такъ въ былинѣ № 48 Гильф. (сл. ту же редакцію № 17 у Рыбн. I). Калика «сильноё могучеё Иванище» ходилъ молиться къ городу Еросолиму и оттуда поворотъ держалъ на Царьградъ.

Какъ тутъ было еще въ Царі-градѣ

Наѣхало погано тутъ Идѣлищо,

Одолѣи каеъ погани вси татарева.

Узнавъ отъ пойманнаго имъ татарина, какой у нихъ тамъ Идолице, калика идетъ впередъ и встрѣчается путемъ дорожкой съ Ильей Муромцемъ. На его вопросъ, откуда онъ путь держитъ и все-ли въ Царьградѣ по старому, онъ сообщаетъ ему о татарскомъ погромѣ:

Наѣхалъ есть поганое Идолищо,

Святѣи образа были поклѣоты,

Въ чернии грязи были потоштаны,

Да во Божьихъ церквахъ тамъ коней кормятъ.

Илья упрекаетъ калику, зачѣмъ онъ не выручилъ «царя-то Константина Боголюбова», и, обмѣнявшись съ Иванищемъ платьемъ, идетъ въ образѣ калики перехожаго въ Царьградъ (допросъ пойманнаго имъ татарина является далѣе дублетомъ къ предъидущему), просить у Константина Боголюбовича милостыни спасенья, а затѣмъ расправляется съ Идоломъ и татарами — какъ въ былинахъ, пріурочившихъ эти событія къ Кіеву. Царь благодаритъ Илью, предлагаетъ ему остаться у него «на жительствѣ», пожаловать его воеводою.

Какъ говоритъ Илья ему Муромецъ:

«Спасибо царь ты Константинъ Боголюбовиць!

«А послужилъ у тя столькѣ я три часу,

«А выслужилъ у тя хлѣбъ соль мяккую,
 «Да я у тя еще слово гладкое,
 «Да еще увѣтливо да привѣтливо.
 «Служилъ-то я у князя Володимера,
 «Служилъ я у его ровно тридцать лѣтъ,
 «Не выслужилъ-то я хлѣба соли тамъ мяккѣи,
 «А не выслужилъ-то я слова тамъ гладкаго,
 «Слова у его я увѣтлива есть привѣтлива.

Тѣмъ не менѣе онъ не хочетъ остаться въ Царьградѣ и, богато одаренный царемъ, возвращается въ Кіевъ. По дорогѣ онъ снова обмѣнялся платьемъ съ Иванищемъ:

Прощай-ко нуль ты сильною могучо Иванищо!
 Виредь ты таеъ да больше не дѣлай-ко,
 А выручай-ко ты Русію отъ поганыхъ.

«Русія» подставилась въ памяти пѣвца случайно, по смѣшенію двухъ рецензій былины, приуроченныхъ то къ Кіеву, то къ Царьграду. — Подобное-же забвеніе пѣвца представляетъ одна былина у Кирѣвскаго. Въ предъидущемъ пересказѣ калика, идя изъ Иерусалима, заходилъ въ Царьградъ и далѣе рассказывалъ Ильѣ объ Идолищѣ, который обнасилъничалъ Царьградъ и царя Константина Боголюбовича. У Кир. I, 4, 22—38 Иерусалимъ и Царьградъ смѣшаны: калика Данило Игнатьевичъ говоритъ Ильѣ:

Иду я отъ града Ерусалима,
 Отъ царя Константина Боголюбова,

и рассказываетъ объ Идолищѣ, вселившемся въ Иерусалимъ. Далѣе былина развиваетъ въ общихъ чертахъ содержаніе предъидущей, но заключительныя слова не мотивированы: когда Илья побилъ Идолище, и Константинъ хочетъ наградить его казной, Илья отвѣчаетъ:

Чтò мнѣ надобно, каликѣ переходжему?
 На приходѣ ты гостя не учествовалъ,
 На походѣ-то гостя не учествовать!

Пѣсня либо забыла досказать, чѣмъ не учествовалъ Илью Константина, либо перепутала послѣдовательность фабулы: въ № 48 Гильф. Илья выражаетъ такое именно неудовольствіе на Владиміра, у котораго онъ не выслужилъ ни хлѣба-соли, ни слова гладкаго; его удаленіе изъ Кіева, очевидно, мотивировано такимъ неудовольствіемъ.

Былина № 196 Гильф. не вноситъ никакихъ новыхъ чертъ въ пересказъ извѣстнаго намъ содержанія: Илья встрѣчаетъ въ чистомъ полѣ калику Иваница, слышитъ отъ него вѣсти объ Идолицѣ и Царьградѣ и, переодѣтый каликой, очищаетъ Царьградъ (сл. еще №№ 106, 178 Гильф.).

2. *Илья и Голи Кабацкія*. И въ этомъ циклѣ былинъ мы встрѣчаемъ тоже двойственное приуроченіе. У Гильф. № 239 калика идетъ по городу Кіеву, заходитъ на царевъ кабакъ, проситъ цѣловальниковъ, чтобъ они его опохмѣлили. Тѣ не вѣрятъ ему; бѣдныя голи кабацкія, мужнки деревенскіе, сложились и напоили его. Тогда самъ калика принимается угощать ихъ, насильно выкатывая у цѣловальниковъ бочки вина. Тѣ идутъ жаловаться къ Владиміру, который велитъ позвать къ себѣ калику— а тотъ идетъ по городу, кричитъ громкимъ голосомъ:

А ѿ ты Владиміръ князь столенъ-кіевской!
Получай-ко сумму за зелено вино
Ты съ донского казака-ли съ Ильи Муромца:
Я пойду теперь старикъ во чисто полѣ,
И на ту пойду дорогу на латынскую,
И на ту пойду заставу богатырскую,
Да подь тотъ пойду, старой, подь сырой дубъ.

«*Сырой дубъ*», какъ увидимъ далѣе, подставился въ народномъ произношеніи вмѣсто *Царьградъ*. (Короткій пересказъ Гильф. № 281, я обхожу).

Другія былины (Гильф. № 220, Рыби. III, стр. 37—40) приурочиваютъ то же дѣйствіе — къ Царьграду. Илья «калика переходящая» приходитъ изъ Кіева, и повторяется рассказъ о голяхъ, при чемъ роль Владиміра играетъ царь Константинъ Бого-

любовичъ. Царь требуетъ его къ себѣ, а Илья удаляется, какъ въ предъидушей былинѣ, со словами:

Ты де батюшко царь Костянтинъ Боголюбовѣць!
 Да ищи казну за Ильей славнымъ Муромцемъ,
 Да приходишь къ тебѣ на славу на великую,
 Да и пить зелено вино безденежно.

И оня идетъ во чисто поле, раздёрнулъ бѣлый шатеръ и ложится опочивъ держать.

Можно объяснить себѣ двоякое приуроченіе однихъ и тѣхъ-же событій (Идолище; голи кабацкія) простымъ перенесеніемъ ихъ отъ одного мѣста къ другому, что легко вмѣнить самостоятельности народнаго пѣвца. При такой постановкѣ вопроса предстояло-бы рѣшить себѣ: какое изъ двухъ приуроченій древнѣе? Но уже изъ сообщенныхъ выше пѣсенъ видно, что въ ихъ прототипѣ Кіевъ и Царьградъ уже имѣли мѣсто: Илья ѣздилъ у Царьграда, когда Кіевомъ одолѣлъ Идолище; отслуживъ царю Константину, Илья снова ѣдетъ въ Кіевъ. Эта двойственность мѣста дѣйствія и вызвала, вѣроятно, смѣшеніе эпизодовъ, первоначально приуроченныхъ къ Кіеву или Царьграду, а нынѣ рассказывающихся безразлично о томъ и другомъ. Былина № 232 Гильф., дѣйствительно, распредѣляетъ оба эпизода между Кіевомъ и Царьградомъ, такъ что къ первому привязанъ рассказъ о голяхъ, а эпизодъ объ Идолищѣ отнесенъ къ Царьграду. Илья приходитъ въ Кіевъ въ образѣ калики; слѣдуютъ извѣстныя намъ подробности о голяхъ. Потребованный Владиміромъ, Илья уходитъ, приговаривая:

Да и свѣтъ государь нашъ Владиміръ князь!
 Да ищи-ко за три бочки зелена вина,
 Да ищи ты на Ильи славномъ Муромци,
 Ень на славу приходишь въ столній Кіевъ градъ,
 Да пошелъ-де Илья во Царю-граду.

По дорогѣ онъ встрѣчаетъ «сильного могучаго да Иванищо», узнаетъ отъ него, что Цареградомъ «Овладѣло да поганое Издо-

лицо», отъ котораго Илья и освобождаетъ Константина Воголюбовича.

Было-ли такое именно распредѣленіе эпизодовъ первоначальнымъ — на это едва-ли возможно отвѣтить положительно. Приуроченіе Идолища къ Кіеву могло быть не случайнымъ, а вызвано какимъ нибудь мотивомъ древней былины, подобно тому, какъ упоминаніе Кіева и Царьграда въ первичной ея редакціи дало толчекъ къ безразличному географическому приуроченію пѣсенныхъ мотивовъ, на что указано выше. Въ былинѣ Гильф. № 245 Илья опохмѣляется съ голями передъ встрѣчей съ Идолищемъ въ Кіевѣ; въ другихъ сцена съ голями кабацкими въ Кіевѣ связана непосредственно съ какимъ нибудь освободительнымъ подвигомъ Илья: онъ бился съ разбойниками (Гильф. № 249), привезъ въ Кіевъ Соловья разбойника и не былъ учествованъ княземъ Владиміромъ (Рыбн. II, № 63), не позванъ на почестень пирь (Рыбн. I, № 18); одна былина о Калинѣ (Гильф. № 257) начинается съ разсказа о голяхъ, съ которыми Илья упивается: обливалъ шубу зеленымъ виномъ,

Самъ волочилъ по лужечку зеленому,

Онъ ко шубы приговаривалъ:

«Уливайся, моя шуба, зеленымъ виномъ.

Судить ли мнѣ Богъ волочить собаку царя Галина,

Да по этому лужечку зеленому,

А ему отъ моихъ бѣлихъ руеъ плакати?»

Щѣловальники доносятъ о томъ Владиміру, наклепавъ на Илью, будто онъ пожелалъ другаго:

Да судить-ли мнѣ Богъ волочить собаку князя Владиміра.

За это онъ посаженъ въ «погребъ глубокіе», и былина развивается далѣе по типу нѣкоторыхъ пѣсенъ о Калинѣ.

Насколько расплывчивый матеріалъ былинъ позволяетъ заключеніе къ ихъ первичному составу, предшествовавшій обзоръ позволяетъ такой выводъ: въ былинахъ объ Идолицѣ эпизодъ о голи кабацкой былъ мотивированъ какимъ нибудь непризнан-

нымъ подвигомъ Ильи, который удалялся вслѣдствіе этого непризнанія, либо вслѣдствіе наговора — какъ Михайль Даниловичъ въ побывальщинѣ о немъ. Онъ удаляется въ Царьградъ — какъ Михайликъ малорусскаго сказанія. Если въ послѣдней легендѣ эта черта, дѣйствительно, древняя (въ Костомаровскомъ пересказѣ Михайликъ даже возрастаетъ въ Царьградѣ), то мы можемъ предположить для древнихъ былинъ о Михайлѣ двойственную редакцію: по одной онъ удалялся въ Царьградъ, по другой — въ монастырь (какъ въ нанечатанной выше побывальщинѣ); малорусская легенда отразила, быть можетъ, слѣды того и другаго извода, въ комбинаціи Царьграда и золотыхъ воротъ Кіева съ постнической жизнью богатыря. Вліяніе мееодіевской статьи, предположенное мною, дало этому соединенію мистическій оттѣнокъ: Михайль удалился, но когда нибудь вернется, какъ послѣдній императоръ греческаго откровенія.

Роль Царьграда въ русскихъ былинахъ обращаетъ на себя особое вниманіе. Илья является поочередно въ Кіевѣ и Константинополѣ не только въ былинахъ объ Идолицѣ, но и въ «Сказаніи о семи русскихъ богатыряхъ», къ которому я думаю обратиться впослѣдствіи, когда текстъ этого сказанія, находящійся въ рукописи XVII вѣка (въ библ. Е. В. Барсова), будетъ изданъ въ цѣломъ либо въ вариантахъ, и такимъ образомъ откроются новые матеріалы для его критики.

II.

Илья Муромецъ и Соловей Будимировичъ въ письмѣ XVI вѣка.

Проф. Первольфу я обязанъ указаніемъ на упоминаніе Илья Муромца въ вѣстовой отпискѣ Оршанскаго старосты Филона Кмиты Чернобыльскаго къ Остафію Воловичу, кастеляну Троцкому «изъ Орши, 1574 года, Августа 5 дня». Это — на 20 лѣтъ раньше извѣстнаго свидѣтельства Эриха Лассоты (1594 г.) о гробницахъ Илья Муромца и его товарища, видѣнныхъ имъ въ одномъ придѣлѣ кievской св. Софіи. Русскій былинный эпосъ, при своей несомнѣнной древности, такъ бѣденъ регестами, которыя позволили-бы прослѣдить его развитіе въ прошломъ, что всякое новое свѣдѣніе о немъ является не лишнимъ. Я не стану преувеличивать значеніе сообщаемаго здѣсь; въ крайнемъ случаѣ оно можетъ служить свидѣтельствомъ *географическаго* распространенія былины, такъ какъ Воловичу должны-же были быть понятны аллюзіи на богатырей, да и Кмита-поминаетъ ихъ, какъ нѣчто общеизвѣстное. Многія изъ свидѣтельствъ, собранныхъ В. Гриммомъ въ его *Deutsche Heldensage*, не имѣютъ иной цѣли, какъ доказать, хотя-бы и позднее, распространеніе извѣстныхъ эпическихъ сюжетовъ въ литературѣ и народномъ преданіи.

Письмо Кмиты было дважды издано: въ первый разъ Малиновскимъ и Пржездзецкимъ (Zrzódła do dziejów polskich, wyd. przez M. Malinowskiego i A. Przędzieckiego, t. II, Wilno, 1844, стр. 287—292), во второй Археографической комиссіею (Акты, относящіяся къ исторіи Западной Россіи, т. III, Спб. 1848, № 58, письмо XIV, стр. 174), послѣднее — въ видѣ извлеченія, на что указываютъ точки, иногда (и не вездѣ, гдѣ-бы слѣдовало) поставленныя въ текстѣ. Этотъ способъ изданія позволилъ сократить письмо Кмиты на одну пятую его часть; вмѣстѣ съ другими сократилась и интересующая насъ подробность объ Ильѣ Муромцѣ.

Я приведу начало письма по изданію Малиновскаго, отмѣчая въ немъ курсивомъ мѣста, сохраненныя Археографической комиссіею. Это уяснить соотношеніе двухъ текстовъ.

Jasne welmożny miłostiwjy pane trockij, pane, pane moj miłostiwjy!

O nowinach hodnych wiadomosti waszej m. p. m. m., zwałszcza o posłancach j. kr. m. do Moskwy, o przyjściu ich do Orszy, postanowieniu na hranicach Awhusta perwoho dnia, o tom wsem dałem już osobliwym listom moim do wsich w obce w. m. panow Rad wiadat'; s ktoroho mam za to: że w. m. m. m. pan sprawit' raczył, jako i listy jeho korolewskoj miłosti panow posłanczow doszli, ktorjyje znat' czerez pana Suchodolskoho iti mieli. A szto sie potem ponowit, nieomieszkam w. p. m. dat' znat'. A na tot czas, z łaski Bożoj, z owej strony ticho, i peremirja sie doczasnoho spodiewamy, i tut o wsiem sie tom s pany sekretary, wedle nauki w. m. panow namowilo i sprawilo, i o innych sprawach nieprzyjatelских, wiadomostiej wszelakich, ich miłostiam oznajmiło, wontpit' (?) w. panskim miłostiam niepotreba. W ktoroj otprawie doszlo mie pisanje w. m. m. m. pana, s Polski pierwiej sieho, i tepier, czerez sluzebnika mojeho Zuba, o otjehanie hosudarskoje i o inszije riezcy, ktoroje, miłostiwjy hosudariu, chotiaz podoloznoje ale Bohodochnowennoje niedarmo movi pismo: «zapowied' hospodnia iż dalecze proświeszczajuszczе oczy», a nie-

tolko oczy, ale i serce moje oswietilo. *Diwnyje sut' sud'by Bozi! my ot worot, a on diroju won. Nie tolko nam to rozumieti, ale takoho hosudarskoho otjehania wsemu swietu niewmiestiti. Nie-slychana ot wieku, aby chto sleporozheniu otworył oczy: tak i pomanzańcu Bożemu tym sposobom od poddanych swoich ujechati!* Owa wtoryj jest Neptonow! *by tu w. m. p. m. m. uszy swoi mieł, jakijże okolo toho szmer na Moskwie, jakij pry hranicach! Strach Bożij! O wsem wse wiedajut, prekladajuczy to żiwot hosudarskij, jako był w rukach naszych, котораја јему была wczastnost, jakij pokoj, jakowaja wdacznost', szto za roskosz, szto za posłuszeństwo, jakaja soromota czerez cedny za oczy i w oczy, jaka prespiecznost' zdrowia jeho, jaka tepier obelziwost', pochwałki, odpowiedi! jesliby czoho komu niedał, jesliby też wedle prawa komu sudił, wytiehajuczy remienja z nas, i szto za wichowanje mieł, uruhania, posmiechu, prikrostiej, samemu i słuham jeho Francuzam, rozberaniem majetnosti jeho, imenej, skarbów, diw Bożij i strach Bożij! Niewymowit', niewypisat' toho czołowiek nie może, и т. д.*

Перехожу къ интересующему насъ эпизоду письма: «Słowiesa hospodnia, słowiesa czysta, Ty nas, Hospodi, sochraneszy i sobludeszy ny ot roda» ¹⁾. — *Pan i hosudar moj miłostiwujj, piszesz o ostroz'nost moju, jestliby i powtore w takich służbach rozkazowano i używano, abym sie opatrował jako j. m. pan Haraburda. Hosudaru pane! i kaszy nie chcuzu, i po wodu nie idu. — Pisce mi hosudarinia moja pani trockaja: ożohszysia na mołoce weleno na wodu dut'. Ja toho i pierwiej nie znał szto czynit', tolko szto weleno czynit' toje czynit' ²⁾*; a seje pisanije w. m. hosudariej moich.... ³⁾ Boh i slepomu oczy otworit i wse pered w. m., da Boh,

¹⁾ Интересно употребленіе *roda* въ смыслѣ *генны*, по смѣшенію *учеца* съ *ученца*. Примѣры см. у Миклошича, Lex., а. v. родъ. Сл. въ Ирениномъ мученіи (Тихонравовъ, Пам. отр. русск. лит. II, стр. 151): *плодъ бо суть родствоу огни*.

²⁾ На этомъ кончается письмо въ изданіи Археограф. комиссіи, и слѣдуетъ пометка: «Данъ зъ Орши, року 74, Августа 5 дня».

³⁾ Точки въ изданіи Малиновскаго.

prijechaniem moim okaza, tolko, hosudaru, czolom bju o nauku, czy zdati mnie poslancow z Moskwy, abo zaraz jechati, szto bych rad serdecznie uczynil aby u Wilnie w. p. m. zajechał. A szto w. m. pan moj miłostiwuj raczysz pisat', iż j. m. pan podskarbi, za pryczynoju w. m. panskoju, obiecał menie czymkolwiek na strawu mnie i na posłańcy obslati, ino hosudariu niczoho mi nie posłał j. m. Nieszczasnyj jeśmi dworanin, zhib jesmi w nendzy, a bolsz z żalu: ludi na kaszy perejeli kaszu, a ja z hołodu zdoch na storozhy. Pomsti Boże hosudariu hrechopadenije, chto rozumiejet, bo prijdet czas, koli budiet nadobie Ilii Murawienina i Sołowia Budimirowicza, prijdet czas, koli budiet służb naszych potreba. — Въ концѣ письма Кмита еще разъ возвращается къ тѣмъ-же жалобамъ и просьбѣ о помощи.

Какимъ образомъ Кмитѣ подвернулась память о богатыряхъ — видно изъ связи, въ какой они являются въ письмѣ. Онъ самъ стоитъ на сторожѣ, погибая съ голода и холода; такъ ставвали на заставахъ старыя богатыри. Имъ также небрегли, какъ часто Владиміръ Ильєю, но въ минуту опасности ихъ службъ бываетъ «надобѣ», и Владиміръ кланяется Ильѣ, котораго передъ тѣмъ засадилъ въ погребъ:

Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ!

Съѣзди, постарайся ради дому пресвятыя Богородицы,

И ради матушки свято-Русь земли. (Рябн. III, № 35).

«Муромецъ» — обычное прозвище Ильи въ русскихъ былинахъ; въ этомъ отношеніи интересно, что два независимыя другъ отъ друга свидѣтельства о немъ, оба XVI вѣка, даютъ другую форму его имени: у Кмиты *Муравленинъ*, у Лассоты *Morowlin*, съ которымъ проф. О. Миллеръ¹⁾ сближаетъ Илью *Муровца* въ рассказѣ, заимствованномъ изъ записной книги разстриженнаго единовѣрческаго монаха Григорія Панкѣева²⁾.

¹⁾ О. Миллеръ, Илья Муромецъ, стр. 800 прим 108; сл. 1. с. стр. 261.

²⁾ Къ какой мѣстности относится преданіе, рассказанное Панкѣевымъ, изъ сообщенія проф. О. Миллера стр. 261 не ясно.

Соловей Будимировичъ въ сообществѣ съ Ильей могъ бы возбудить вопросъ о причинахъ такого сопоставленія, еслибы не представлялась вполнѣ естественной догадка, что имя перваго явилось случайно, на мѣсто любого другаго богатыря, и внѣ внутренней связи съ значеніемъ Ильи. Въ самомъ дѣлѣ, Соловей Будимировичъ не радѣтель о русской землѣ, онъ — богатырь приѣзжій, и соединеніе его съ кіевскимъ цикломъ чисто внѣшнее: я разумію тѣ былины, въ которыхъ Илья и съ нимъ другіе богатыри являются на кораблѣ Соколѣ (Кир. I № 7, стр. 22—23, № 5 стр. 40—41; Тихонравовъ, Лѣтописи, т. IV, Матеріалы, стр. 9—11); такъ названъ чудесный корабль Соловья въ пѣснѣ о немъ у Кирши Данилова (№ I), и нѣкоторыя подробности описанія однѣ и тѣ-же, тамъ и здѣсь:

Носъ, корма по туриному,
 Бога взведены по звѣриному (Кирша).
 Бога сведены по звѣриному,
 А нос-о-тъ да корма по змѣינוму (Кир. I, р. 22).

Замѣтимъ, впрочемъ, что другія извѣстныя намъ редакціи былины о Соловѣѣ, представляя сходныя черты въ описаніи корабля, умалчиваютъ о названіи его Соколомъ — если, вообще, Соколъ — прозвище, а не эпитетъ:

Одинъ корабль получше всѣхъ:
 У того было у сокола у корабля и т. д. (Кирша)
 Плавалъ соколъ-корабль ровно тридцать лѣтъ
 (Кир. I, стр. 22).

Общія черты былинь о Соловѣѣ во всѣхъ записяхъ существенно однѣ и тѣ-же: исключеніе составляетъ редакція у Кирши съ эпизодомъ о «голомъ шалѣ Давидѣ Поповѣ», котораго не знаютъ другіе пересказы: эпизодомъ, если не вторгшимся цѣликомъ въ первичныя рамки пѣсни, то во всякомъ случаѣ сильно ихъ измѣнившимъ. Въ слѣдующей передачѣ содержанія я приму его въ разсчетъ лишь условно ¹⁾.

¹⁾ Въ основу слѣдующаго пересказа взять текстъ Кирши.

Тридцать кораблей — одинъ корабль
Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будиміровича ¹⁾

Вѣдутъ ко городу [во] Кіеву.

Всѣ они изукрашены богато, лучше всѣхъ соколъ-корабль, оснастка котораго изображена въ фантастическихъ чертахъ, разнообразившихся въ дальнѣйшихъ перепѣвахъ: это — какой-то чудный, морской звѣрь, вмѣсто очей у него вставлено по яхонту, вмѣсто бровей прибавано по соболю, вмѣсто гривы — двѣ лисицы бурнастыя и т. д. И въ остальномъ устройствѣ та-же диковинная роскошь, какъ въ подаркахъ Владимиру и его книгинѣ: соболя и лисицы и «камка бѣлохрущатая»:

Недорога камочка — узоръ хитерь:
Хитрости Царя-града,
Мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья [сына] Будиміровича.

Владиміръ предлагаетъ ему для подворья княжескіе и боярскіе дворы; но Соловей отказывается отъ этого:

Только ты дай мнѣ загопь земли,
Непаханья и неоранья,
У своей, осударь, княжецецкой племянницы,
У молоды Запавы Путятичины, ²⁾
Въ ея, осударь, зеленомъ саду,
Въ вишемъ, въ оршемъ
Построитъ мнѣ Соловью снаряденъ дворъ.

¹⁾ Гильф. № 53: Гудиміровичъ; № 68: тоже; Рыбн. III № 32 и 33: Будиміровичъ и Гудиміровичъ.

²⁾ Рыбн. IV, № 11: Забава Путятична; ib. III, № 32: Забавушка Путятична; II, № 31: Любава Путятична; I, № 53: Забава Путятична; № 54: Любавушка Запавична. — Гильф. № 36: Забава Путятична; № 53: Любавушка Забавична; № 68: Забавушка Путятична и Утятична; № 199: Забава Путятична; № 208: Забава Путятична.

Иначе выражено это желаніе Гильф. № 68 (сл. Рыбн. III, № 31; IV, № 11):

Есть у тя молода племяница,
 Молода Забавушка Путятична,
 У ней какъ есть во зеленыхъ садахъ
 Дубыма вязь повѣрощеноѣ:
 Позволь-ко мнѣ-ка нунь су (такъ!) повѣрубити,
 Изъ саду вонъ мнѣ повѣметати,
 Построить мнѣ да тамъ три терема,
 Со трѣбими со сѣнями съ нарядними.

Подробность о «зеленомъ садѣ» княжеской племяницы принадлежитъ къ несомнѣнно основнымъ чертамъ пѣсни, хотя инныя редакціи еѣ забыли или исказили¹⁾. Слѣдуетъ помнить, что Соловей прѣѣхалъ свататься, что его поѣздка, въ сущности, брачная: съ этой точки зрѣнія его подарки представляются свадебными, а его просьба Владимиру освѣтится символикой русскихъ свадебныхъ пѣсенъ. Соловей проситъ отвести ему загонъ земли «непаханой, неораной», въ зеленомъ саду Запавы, въ ея вишеньѣ-орешеньѣ; онъ хочетъ повѣрубить его и построить свой теремъ. Въ русскихъ свадебныхъ пѣсняхъ обычно представленіе дѣвчества — садомъ-виноградомъ: это «вишневый садойко», который дѣвушка садить, холятъ — и который грозитъ вытоптать женихъ съ поѣзжанами:

*Ой ходила Марися по новимъ двору,
 Сѣла садъ-виноградъ съ притолу,
 Забула воритечки зачєняти,
 Ажъ мусіла батенька просити:
 «Ой піди-жъ, мій батеньку, зачини воритця:
 Якъ приде Иванъ зъ боярами,
 То витопче садъ-виноградъ кониками²⁾,*

¹⁾ Рыбн. I, № 34: терема ставятся середь города, середь рыночка; сл. Рыбн. II, № 31: на горку на конную, Во тотъ-ли садъ во Путятичной (сл. Гильф. № 36: подите-тко на горку вы на конную; садъ забыть); Гильф. № 53 (середь города да середь Кієва).

²⁾ Труды этнограф. стат. эксп. въ западно-русс. край, снаряженной Имп. Русск. Геогр. Общ. Юго-зап. отдѣлѣ. Матеріалы и изслѣдованія, собр. П. П. Чубинскимъ, т. IV, стр. 70—1, № 19.

либо: То потопче мої квіти чобітками,
Повиносить за ворота підківками ¹⁾ и т. п.

Великорусскимъ пѣснямъ знакомы тѣ-же представленія «зеленаго сада, винограда», «вишенья», куда залетаеъ соловей, соколь-женихъ ²⁾, топтанья муравы, порчи сада:

У воротъ трава росла,
У воротъ шелковая.
Кто ту траву топталъ,
Кто ту топталъ шелковую?
.
.
.
Ай топталъ Николай сударь,
Ай топталъ Ивановичъ.

Или отецъ невѣсты спрашиваетъ:

Кто безъ меня въ зеленомъ саду былъ?
Кто жемъзну твѣ переломилъ?
Кто безъ меня у яблони сукъ сломилъ? ³⁾

То-же у бѣлоруссовъ:

За сѣнями, сѣнями зялёнъ садъ,
Нихто ў тымъ садѣ ня бываецъ,
Одна тольбе Ганулька гуляецъ:
Синіи васильки сѣяла,
А чарвоную рожу садзила. . . .
Тогда притыкаў Сопронька самъ-дзесятъ,
Пустьў конька ў зяленъ садъ,
Синіи васильки потоптаў,
Чарвоную рожу сорваў ⁴⁾.

Образы сада, попорченной лозы и т. п. не безъизвѣстны въ эрозической пѣснѣ другихъ народовъ; сорванная роза лежитъ въ основѣ аллегоріи Roman de la Rose.

¹⁾ I. с. стр. 288 № 732; сл. стр. 113 № 136, стр. 121—2 № 150—151, стр. 178 № 349 (сл. ib. p. 326 № 862).

²⁾ Шейнъ, Русск. нар. пѣсни стр. 414 № 4, стр. 484 № 13.

³⁾ Сахаровъ, Сказанія Русскаго народа, т. I, кн. 3-я, стр. 116, № 33; стр. 136, № 104 (стр. 151, № 169).

⁴⁾ Шейнъ, Бѣл. нар. пѣсни, стр. 475, № 67.

Въ связи съ этой символической стоитъ и просьба Соловья, только что значеніе ея затемнилось образомъ диковинныхъ теремовъ, вырастающихъ за одну ночь въ саду Запавы подъ булатными топориками работныхъ людей. Когда на утро проснулась Запава, златоверхіе терема показались ей видѣніемъ: посмотрителю, говоритъ она нянюшкамъ и мамушкамъ, «что мнѣ за чудо показалось». Тѣ отвѣчаютъ: «Матушка, Запава Путяткина! Изволь-ко сама посмотри: Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло». И Запава наряжается, идетъ въ свой зеленый садъ:

У перваго терема послушала:
 Тутъ въ теремѣ щелчить-молчить —
 Лежитъ Соловьева золота казна;
 Во второмъ теремѣ послушала:
 Тутъ въ теремѣ по тихоньку говорятъ,
 По маленьку говорятъ, все молитву творять, —
 Молятся Соловьева матушка
 Со вдовы честны, многоразумными;
 У третьяго терема послушала:
 Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ:

Играетъ Соловей на гуслихъ ¹⁾.

Входила Запава въ сѣни косячатая,
 Отворяла двери на пята —
 Больно Запава испугалася,
 Рѣзвы поги подломилися,
 Чудо въ теремѣ показалося:
 На небѣ солнце — въ теремѣ солнце,
 На небѣ мѣсяць — въ теремѣ мѣсяць,
 На небѣ звѣзды — въ теремѣ звѣзды,
 На небѣ заря — въ теремѣ заря
 И вся красота поднебесная.

Мѣсяць, солнце, звѣзды въ теремѣ (сл. Рыбн. III, № 33; IV, № 11) напоминаютъ такой-же параллелизмъ колядокъ, только въ былинѣ онъ не выдержанъ и не примѣненъ въ полнотѣ. Бе-

¹⁾ Сл. Рыбн. I № 53, в. 220 слѣд.; № 54, в. 209; IV № 11, в. 119; III № 32 в. 149 и др.

ремь на выдержку отрывокъ бѣлорусской колядки ¹⁾: колядов-
щики просятъ хозяина — выглануть на свой дворъ:

Ў твоемъ дворку якъ ў вялку, —
Ўвесь тыномъ тышнѣ,
Тыномъ тышнѣ, ўсё жалѣзнымъ,
Вороцитѣ ўсё золотыя,
Вервички ўсё мідзяныя,
Замочки витраныя,
Подворотница — рыбья косточка.
Иване слаўный пане!
Ў твоемъ дворку якъ ў вянку:
Пяць цырамоў зъ прыцаромкамі,
Ў водномъ цыраму — ясенъ мѣсяць,
А ў другімъ цыраму — ясна зорушка,
Ў трецнімъ цыраму — буйны вѣтры,
А ў чатвертымъ цыраму — дробны звѣзды,
Да ў пятымъ цыраму — ясны зоры,
Ясны зоры, ясно соўнца.
Ясенъ мѣсяць — самъ Ивачька,
Ясна зора — яго жонка,
Буйны вѣтры — яго сыны,
Дробны звѣзды — яго цурки
Ясны зоры — яго нявѣстыя.

Уподобленія такого рода встрѣчаются и въ свадебныхъ пѣсняхъ,
напр. въ слѣдующей коровайной:

Бувавъ-же я, чувавъ-же я
Місяда зъ зорою.
Не есть-же то, не есть-же то
Місяць изъ зорою,
А есть-же то, а есть-же то
Иванко зъ жоною,

или: «ясненькій місяченько» — то «риденькій батенько», «ясная
зуронька» — «ридная матюнка» ²⁾. Символика обрядовой пѣсни

¹⁾ Шейнъ, Бѣлор. нар. пѣсни, стр. 45—7, № 91.

²⁾ Чубинскій, 1. с. стр. 245, № 584; стр. 378, № 1056.

шла на встрѣчу хитрымъ украшеніямъ терема, замысламъ Соловья Будимировича, и должна была сливаться съ ними.

Соловей играетъ на гусяхъ; сидитъ на стулѣ червленомъ, золоченомъ, забавляется съ дружиной, — говорится въ нѣкоторыхъ редакціяхъ пѣсни (Рыбн. I № 54; Гильф. № 53). Увидѣвъ Запаву, онъ

Бросилъ свои звончаты гусли,
Подхватывалъ дѣвицу за бѣлы ручки,
Клалъ на кровать слоновыхъ костей,
Да на тѣ-ли перины пуховыя:
«Чего-де ты, Запава, испужалася?
Мы, де, оба, на возрастѣ». —
А и я, де, дѣвица, на выданѣ,
Пришла, де, сама за тебя свататься.
Тутъ они и помолвили.

Въ № 199 Гильф. Соловей приглашаетъ Запаву сѣсть на ременчатъ стулъ,

А стали они ыграть во шахматы.
А й тутъ-ли Соловей сынъ Будимировичъ,
Разъ тотъ сыгралъ, Запаву побигралъ,
Другой тотъ сыгралъ, Запаву побигралъ,
Третьей тотъ сыгралъ, Запаву побигралъ.
А говорить тутъ Забава дочь Путятична:
«Ахъ молодецъ ты заулишекъ добръ!
Кабы взялъ за себя, я-бы шла за тебя».

Приведемъ нѣсколько параллелей изъ свадебныхъ пѣсень.

Молодецъ-женихъ играетъ на гусяхъ:

Ой у полі садочокъ некритий,
Зеленою рутопкою обвитий,
А въ тому садочку никто не бувавъ,
Молодий Ивашко въ гуслі гравъ
И свою Марусю підмовлявъ ¹⁾

¹⁾ Чубинскій I. с. стр. 85, № 68.

Ай ты свѣтъ моя, свѣтлая свѣтлица,
 Ахъ ты свѣтъ-ли моя, столовая горница,

 На прекрасномъ мѣстѣ свѣтлица ставлена,
 Косящатыми окошками во зеленый садъ,
 Крутымъ краснымъ крылечкомъ во широкій дворъ.
 Какъ во той-ли-то во свѣтлой во свѣтлицѣ,
 Какъ во той-ли во столовой новой горницѣ,
 Наставлены столы-то все дубовые,
 Разостланы скатерти бранья;
 А за тѣмъ-ли столомъ бѣлодубовымъ
 Сидѣлъ удалой, добрый молодець,
 Какъ по имени Василій сударь Григорьевичъ,
 Онъ игралъ во гусли звончатя,
 Онъ наигрывалъ волку, волю батюшкину,
 Онъ наигрывалъ нѣгу, нѣгу матушкину.
 Приходила гусли слушать Ольга душа,
 Приходила гусли слушать Аванасьевна и т. д. ¹⁾

Игра въ шахматы:

Течеть винная рѣченка,
 Сахарная источинка,

 Далеко рѣка во садъ прошла,
 Не далече во зеленый протекла.

 У родителя у батюшка
 Было умное дитяго,
 Было умное разумное,
 Было тихое смиренное.
 Оно ходило, похаживало,
 Гуляло погуливало,
 По высокимъ новымъ горницамъ,
 Изъ горницъ въ шатеръ вошло
 Къ удалому добру молодцу.
 Она будила, пробуживала:
 Ужь ты встань душа, умный мой,

¹⁾ Сахаровъ 1. с. стр. 198, № 4.

Я пришла къ вамъ разгулятися,
 Во игры играть, во шахматы.
 Обыграла красна дѣвица душа
 Удалого добра молодца,
 Проигрался удалой молодець, —
 Съ правой руки злаченъ перстень,

 Проигралася красна дѣвица душа
 Удалому добру молодцу,
 Проиграла свою волюну волюшку ¹⁾.

Слич. слѣдующій вариантъ

Ты рѣба-ль моя рѣченька,

 У тебя-ли, у рѣченьки,
 Берега были хрустальные,
 А пески были жемчужные;
 Какъ на томъ-ли на бережку,
 Что стоялъ бѣлотонвой шатерь,
 Ужъ какъ вышла дѣвица изъ терема,
 Что пришла ко бѣлу шатру,
 Что будила, побуживала
 Удалаго, добраго молодца.

 «Я пришла позабавиться
 Въ политаври (?) во золотья».
 Проиграла красна дѣвица,
 Проиграла золоть перстень и т. д. ²⁾

Игра въ шахматы, тавлеи нерѣдко служила средневѣковымъ поэтамъ для любовной символики; вѣгдѣ, быть можетъ, такъ ярко и реально, какъ въ извѣстномъ стихотвореніи Вильгельма IX, графа Пуату (*Ben voill que sarchon li pluzor*).

¹⁾ Ефименко, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія архангельской губерніи, часть вторая: Народная словесность (Москва 1878), стр. 88, № 9 (изъ Мезени).

²⁾ Сахар. I. с. стр. 113, № 24.

Сборникъ II Отд. И. А. Н.

Выборъ дѣвушкой суженаго: она выходитъ изъ терема, на широкій дворъ, въ зеленый садъ, садилась за дубовый столъ, смотрѣла прїѣзжихъ гостей, «выбирала себѣ суженаго»; «ужь выбравши любовалася, — любовалася, красовалася: — ужь какъ-то онъ мнѣ понравился, — ужь какъ-то онъ мнѣ по сердцу» и т. д. ¹⁾.

Вернемся къ разбору былины. Выше было замѣчено, что текстъ Кирши кончается эпизодомъ, котораго не знаютъ другіе пересказы: мать Соловья — непременно являющаяся въ сообществѣ сына во всѣхъ былинахъ о немъ — прослышала о его помолвкѣ и отсрочиваетъ свадьбу: пусть сначала поѣдетъ за море, расторгнется и тогда уже женится. Отсутствіемъ Соловья пользуется «голой шапъ Давидъ Поповъ», рассказываетъ, что видѣлъ Соловья за моремъ, гдѣ онъ попалъ въ «протаможье», и что корабли у него отобраны. Владимиръ закручинился, но вскорѣ вздумалъ о свадьбѣ: отдать Запаву за Давида Попова. Въ самый день свадьбы пристають къ Кіеву корабли Соловья; онъ и его дружина въ каличейскомъ платьѣ, но Запава тотчасъ-же узнаетъ своего «обрученаго» жениха, пошла съ нимъ за столы бѣлодобовые, на большое мѣсто, а надъ Давидомъ Поповымъ смѣется: здравстуй женимши, да не съ кѣмъ спать! Это — слова Добрыниной жены къ Алешѣ Поповичу въ былинахъ о Добрынѣ въ отъѣздѣ. На сходство нашего эпизода съ такимъ-же окончаніемъ послѣднихъ указало было уже въ примѣчаніи къ былинѣ Кирши въ изданіи пѣсенъ Кирѣевского; слѣдуетъ, быть можетъ, пойти и дальше, посмотрѣвъ на весь этотъ эпизодъ, какъ на перенесенный изъ былинъ о Добрынѣ. Поводомъ къ тому могло послужить имя *Запавы*, общее пѣснямъ о Соловьѣ и былинамъ о Добрынѣ, хотя и не специально тому ихъ циклу, въ которомъ Алеша *Поповичъ* является въ роли Давида *Попова*. Заключить изъ этого перенесенія, что первоначально въ нѣсняхъ о Добрынѣ Запава занимала иное мѣсто, чѣмъ въ дошедшихъ до насъ пере-

¹⁾ 1. с. стр. 122—123, № 56.

пѣвахъ, я пока не рѣшусь. Ясно, во всякомъ случаѣ, что о ней пѣли и при Соловьѣ, и при Добрынѣ, иначе становится непонятнымъ нарощеніе пѣсни у Кирши, чисто внѣшнее, потому что сюжетъ пѣсни естественно исчерпывался бракомъ. Такъ въ большинствѣ записанныхъ послѣ Кирши былинъ; если въ № 208 Гильф. и Рыбн. I № 53 этого нѣтъ, и Соловей уѣзжаетъ, не сочетавшись бракомъ съ Запавою, то объясняется это своеобразнымъ пониманіемъ ея типа, котораго нѣтъ и слѣда въ редакціи Кирши. У него Запавъ говоритъ Соловью, что сама пришла за него свататься — и они помолвились. У Рыбн. I № 54 = Гильф. № 53 на такое-же предложеніе Запавы Соловей отвѣчаетъ:

Ты всёмъ мнѣ, дѣвушка, во любовь пришла,
 Однимъ ты мнѣ, дѣвка, не въ любовь пришла,
 Сама ты себя, дѣвушка, просватываешь.

Тѣмъ не менѣе онъ ѣдетъ свататься за нее къ Владиміру и, лишь исполнивъ эту обрядность, принимаетъ съ ней золотыя вѣнды. У Рыбн. II, № 31 онъ ограничивается однимъ замѣчаніемъ Запавѣ и новаго сватовства нѣтъ (то-же ib. III, № 32, IV № 11; Гильф. № 199), или онъ посылаетъ её напередъ къ Владиміру — бить ему челомъ, «чтобы онъ завѣлъ какъ нынѣ почестный цирь» (Гильф. № 68). — Очевидно, сватовство Запавы понято было, какъ нѣчто выходящее изъ обрядоваго приличія; вотъ почему иные пѣвцы и не довели её до свадьбы, заставивъ Соловья собрать свои злаченные терема и отгѣхать въ свою землю. У Кирши не видно такого отношенія къ дѣвицѣ-самокруткѣ, просватывающей самое себя, какъ Петруша сербской пѣсни, которая даже похищаетъ себѣ жениха: многіе домогались ея руки, приходили со всѣхъ концевъ свѣта, она всёмъ отказываетъ, проситъ отца:

Вѣи ти бави орахову грађу,
 И набави тридесет мајстора,
 Те ми градн орахову лађу,
 И у лађи тридесет весала,
 Свако весло дрво шмширово,

И у лађи тридесет возара,

.

И у лађи шеја свакојака

А при томе вина и ракије,

А највише перја окатога.

На этой чудной ладѣ, напоминающей корабль Соловья Будимировича, Петруша ѣдетъ въ стольный Бѣлградъ, чтобы достать себѣ въ мужья красиваго Влаховича Стояна. Сестра его пришла къ берегу по воду, когда увидѣла диковинный корабль, о которомъ рассказала брату; тотъ отправился поглядѣть на него, его приняли и напоили и пьянаго увезли; когда онъ проснулся на третій день, онъ былъ женихомъ Петруши ¹⁾. Петруша — дочь Ледьянскаго царя; попытка объяснить названіе Леђана была недавно сдѣлана Новаковичемъ и привела его къ слѣдующимъ результатамъ: Лахъ, т. е. полякъ, выражается у мадяровъ словомъ *lengyel*; отсюда сербское *Ledianin* (= *legjanin*), прозвище венгерскаго короля Владислава, т. е. польскій, полякъ; съ забвеніемъ смысла этого прозвища, Ледьянинъ былъ понятъ какъ живущій, властвующій въ какомъ-то городѣ Ледьянѣ и т. д. Сомнѣніе, что Ледьянъ, можетъ быть, = Млѣтки, Венеція, устраняется, по мнѣнію Новаковича, той-же пѣсней о Петрушѣ, которая сама родомъ изъ Ледьяна, тогда какъ за неѣ сватается, между прочимъ, какой-то Марко изъ Венеціи. Такое соединеніе названій, само по себѣ, еще не ведетъ къ заключенію, что Ледьяна не слѣдуетъ искать въ Венеціи, такъ какъ древнія и новыя, забытыя и живыя названія одной и той-же мѣстности легко могутъ соединяться въ одной и той-же пѣснѣ.

Нашъ Соловей такой-же приѣзжій, какъ и Петруша. Откуда онъ родомъ? Онъ изъ за моря *синяго*, «отъ славнаго города *Леденца*» (Кирша); «изъ-за славнаго синя моря Вольнскаго, Изъ

¹⁾ Novaković, Vila 1866 p. 425; сл. того-же автора: Ueber Legjan-grad (Ledjan-stadt) der serbischen Volkspoesie, у Jagić'a, Archiv. f. slav. Philologie, III, 124—130.

за того *Кодольскаго* острова, Изъ за того лукоморья зеленаго» (Рыбн. I, № 53); съ синя моря съ *Турецкаго* (ib. I, № 54, сл. Гильф. № 36, 53, 199), «изъ за того-ли (было) острова *Кодольскаго*, — той-то земли *Веденецкія* (Рыбн. II, № 31); изъ за горы Сорочинскія, изъ того-ли острова *Кодольскаго*, изъ славнаго моря за *Дунайскаго* (ib. III, № 32); изъ за острововъ *Кодольскіихъ* (ib. III, № 33); изъ за моря за *Дунайскаго*, изъ за острова *Кодольскаго* (Гильф. № 68); по морю по Веряйскому, по морю по *Дунайскому*, изъ за острова *Кодольскаго* (ib. № 208; сл. Рыбн. IV, № 11; море Вирянское; «по синю морю Верейскому» въ одной свадебной пѣснѣ у Снегирева, Русск. Простонародн. праздники, IV, стр. 181). Свести эти показанія, съ цѣлью доискаться настоящихъ названій, едва-ли возможно. Синее, Турецкое, Дунайское море указываютъ на югъ; Леденець и Веденецкая земля несомнѣнно стоитъ одно за другое; но въ какомъ изъ нихъ больше смысла, рѣшить трудно: можетъ быть Веденецкое вм. Венедецкое? сл. въ Сказаніи о Кіевскихъ богатыряхъ (ркл. Е. В. Барсова, XVII в.): камки венецкіе, и въ нашей лѣтописи: «Корлязи, *Вендими*, Фрягове». Леденець легко бы объяснить искаженіемъ Веденца; аналогія Ледяна устраняется объясненіемъ Новаковича. — Кодольскаго острова я потому не рѣшаюсь объяснить, что на форму имени могло подѣйствовать созвучіе. Сл. Рыбн, III, № 32:

У якорей колечики серебряные,

У колечковъ *кодолы* съ семи шелковъ.

Кодолы толкуются: толстые канаты (сл. Рыбн. I, № 53, стр. 326 v. 21).

Обобщая сказанное нами въ разборѣ былинь о Соловьѣ, мы будемъ скромны въ выводахъ. Въ основѣ—это былина о брачной поѣздкѣ какого-то заморскаго молодца, прельщающаго свою невѣсту роскошными диковинками; это — не былина объ увозѣ невѣсты. Что другое, какъ не брачный характеръ сюжета былъ поводомъ пѣвцамъ — разработать его общими мѣстами пѣсенной

свадебной символики? Оттуда указанные мною аналогіи. — Необходимо предположить, что прошло много времени, прежде чѣмъ Илья Муромецъ и другіе богатыри собраны были на кораблѣ-Соколѣ, т. е. сдѣлался возможнымъ синкретизмъ, обличающій упадокъ народной поэзіи, въ родѣ того, который свелъ въ поэмѣ о Rosengarten'ѣ героевъ различныхъ цикловъ нѣмецкаго эпоса. Если сопоставленіе Ильи и Соловья Будимировича въ отпискѣ Кмиты позволено истолковать въ томъ смыслѣ, что оно было навѣяно какой нибудь изъ подобныхъ синкретическихъ былинъ, то слѣдуетъ предположить, что въ концѣ XVI вѣка былина о Соловьѣ была уже древнею.

F. 24.089

BIBLIOTEKA IBL

F
24.069
24.069 A